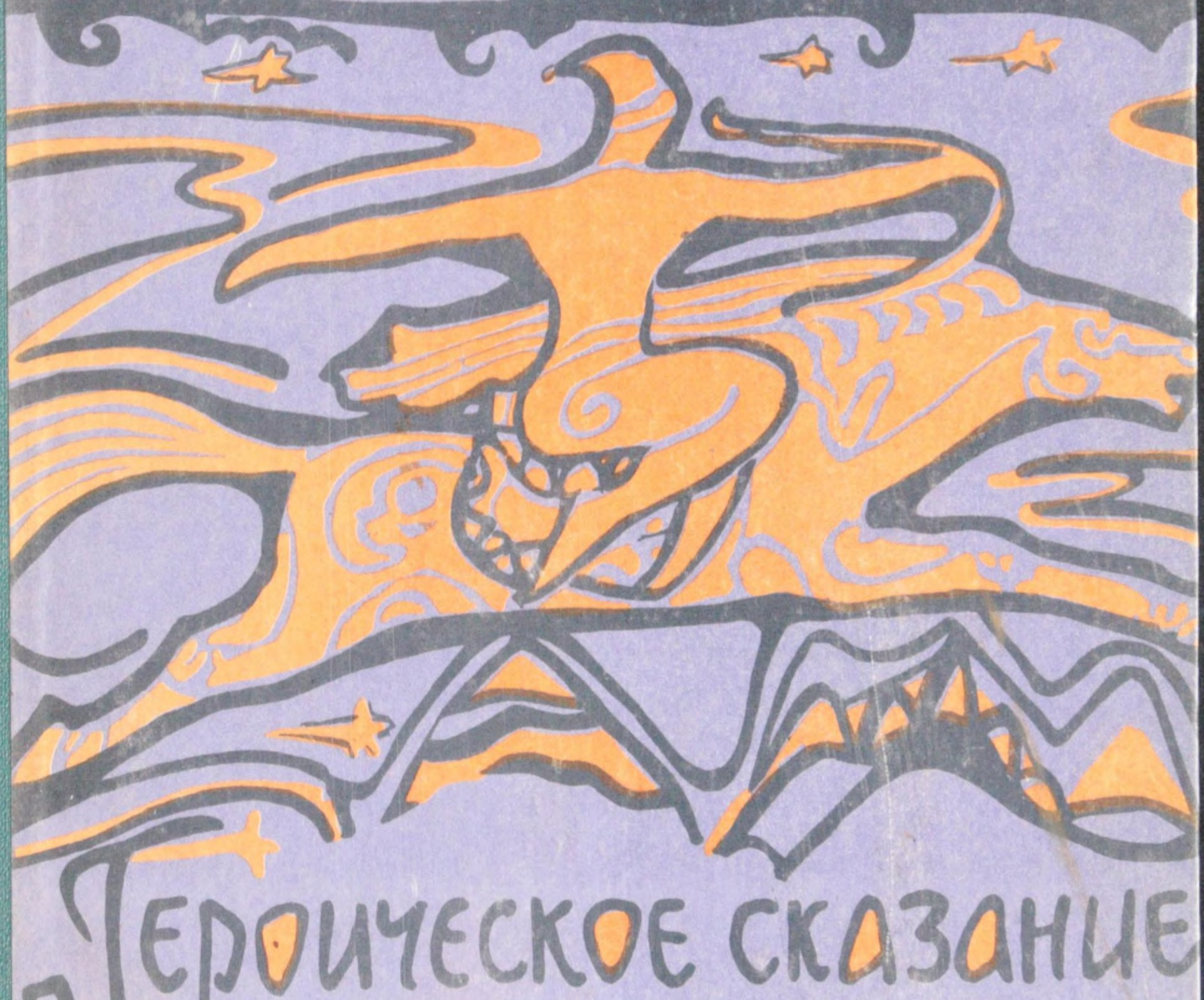
С(алт)
А-528

АЛТЫН-БИЗ



ГЕРОИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ

с(Алт)
А528.

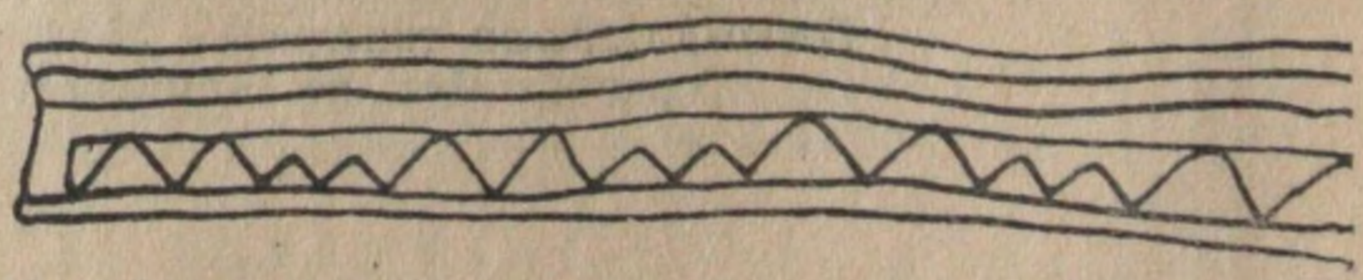
ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

АЛТЫН-БИЗЕ

СКАЗИТЕЛЬНИЦА ТАШТАМЫШЕВА Е. К.
ПЕРЕВОД С АЛТАЙСКОГО ГОЛУБЕВА Г.
ПРЕДИСЛОВИЕ СУРАЗАКОВА С.

хр157516

ГЕРОИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ



АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1965

Горно-Алт. областная
БИБЛИОТЕКА.

А 52
ст.

АЛТЫН-БИЗЕ

(Алтайское героическое сказание)

Редактор К. Саранча
Художник А. Щебланов
Художественный редактор В. Раменский
Технический редактор М. Сафонова

Сдано в набор 30/VI 1965 г. Подписано к печати 13/X 1965 г.
Формат 70 × 90¹/₁₆ — 8 = 9,36 усл. п. л. (9,16 уч.-изд. л.).
АН 10156. Заказ № 2823. Тираж 600 экз. Цена 61 коп.

Алтайское книжное издательство, Барнаул, пр. Ленина, 76.
Горно-Алтайская типография Управления по печати.
Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 25.

ГЕРОИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ «АЛТЫН-БИЗЕ»

Общеизвестно, что эпос создавали и передавали из поколения в поколение талантливые народные поэты-певцы. Каждый из них, конечно, имел свое творческое лицо, свой поэтический стиль, свою манеру исполнения. К сожалению, об этих поэтах-исполнителях далекого прошлого нам ничего не известно. Поэтому весьма важной задачей современных исследователей алтайского эпоса является собирание сведений о сказителях минувших времен и изучение творческих особенностей еще живущих исполнителей.

Евдокия Константиновна Таштамышева — одна из интересных современных исполнительниц произведений народного эпоса. Ей уже 86 лет. Бодрая и веселая женщина, она любит шутку, острое слово. Рассказчицей эпоса она стала еще в молодости, когда обладала редкой способностью запоминать все, что услышит. Часто слушала она знаменитых среди племени тубаларов сказителей конца XIX века Сары-Уула и его ученика Кабака Тадыжекова.

Кабак жил в с. Салганда, был вдовцом. Девушки села, в том числе Таштамышева, мыли пол в его избушке, стирали и шили для него. А за это Кабак платил им удивительными сказаниями.

Об исполнительском мастерстве Кабака рассказывают до сих пор. Когда он пел в юрте, то его слова хорошо были слышны на улице, на топшууре он мог воспроизводить топот коня, звон мечей, кукование кукушки и т. д. Он знал 44 сказания, и его считали «ээлӱ кайчи» (сказитель, устами которого поет дух). Его учениками были впоследствии знаменитый сказитель-орденоносец Н. У. Улагашев и Е. К. Таштамышева. Последняя переняла от Кабака такие сказания, как «Апанаскай», «Алтын-Бизе», «Кан-Алтыч», «Шайын-Шара», «Алтай-Буучай» и другие.

Но Таштамышева, как и большинство других женщин-исполнительниц эпоса, не обладая нужным для кая гортанным голосом, училась только рассказывать. Конечно, и при рассказывании сохраняются традиционные устойчивые поэтические обороты речи, однако бóльшая часть текста оказывается близка к прозе. Хотя простой рассказ и уступает каю в ритмичности, напевности, однако в нем есть некоторые свои преимущества. Прозаическое разговорное повествование дает бóльший простор интонационно-эмоциональной выразительности и различным авторским отступлениям, которые усиливают эффектность рассказа. Таштамышева очень умело пользуется этим. Она повествует увлекательно, эмоционально приподнято, с богатой интонацией и мимикой. Рассказ сопровождает различными пояснениями — своеобразными комментариями. Все это придает необыкновенную обаятельность ее рассказу, которым всегда заслушиваются и взрослые, и дети.

Рассказывание эпоса придает ему и некоторое стилевое своеобразие. Если при пении каем обычно действие развертывается замедленно за счет подробного описания

соответствующих сцен и эпизодов (седлание коня, богатырская поездка, поединок и т. д.), то при рассказывании, как это заметно не только у Таштамышевой, но и у других исполнителей эпоса, такие описания даются кратко, события развиваются стремительно. В этом можно убедиться на примере «Алтын-Бизе», где сцены и эпизоды меняются так быстро и переходы зачастую так резки, что иногда кажется, будто сказительница сделала какие-то упущения.

Подробное красочное и гиперболизированное описание героев и их действий придает им возвышенность, монументальность. Таштамышева же, пользуясь простым разговорным языком, как бы снимает их с высокого пьедестала, они кажутся обыкновенными людьми, их поступки, привычки — реальны и понятны. В результате в «Алтын-Бизе» столько действительной жизни, столько подлинно человеческих чувств и переживаний, что мы порой даже забываем о его фантастичности. Да и в изображении обстановки, природы очень много реального. Перед нами встает не какая-то мифическая страна, а именно Алтай с его высокими горами, бурными реками, шелковистыми травами, извилистыми тропами, по которым скачут всадники, поднимаясь и спускаясь с перевалов.

Изображая древних людей, сказительница часто придает им черты современников — охотников и скотоводов, — отчего они становятся еще более понятными и близкими слушателям. Да и речь Таштамышевой более близка к современному языку, в ней меньше архаизмов, чаще встречаются заимствования из русского языка.

«Алтын-Бизе» — одно из любимых и часто исполняемых эпических произведений Таштамышевой. Как сообщила сама сказительница, это сказание от нее слышал прекрасный знаток алтайского эпоса писатель П. В. Кучияк и намеревался его записать, но смерть помешала ему осуществить свое желание.

Помимо Таштамышевой это сказание знал еще Н. У. Улагашев, но рукопись произведенной от него записи утеряна, остался лишь подстрочный перевод, хранящийся в архиве Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.

«Алтын-Бизе» — произведение, по своему содержанию относящееся к циклу алтайских героических сказаний о борьбе с набегами захватчиков. Оно стоит в одном ряду с такими эпическими произведениями, как «Маадай-Кара», «Кан-Бӱдей», «Сӱмер-Тайчы» и другие. Так же, как в указанных сказаниях, в «Алтын-Бизе» рассказывается о подвигах молодого богатыря — освободителя уведенных в рабство простых людей. В «Маадай-Кара» и его вариантах молодой богатырь освобождает из рабства прежде всего своих родителей, а вместе с ними народ и скот. В «Алтын-Бизе» старые родители богатыря, пощаженные врагами, остаются на своей земле и вскоре умирают. Спрятанному во время нападения врагов и выросшему богатырем Алтын-Бизе нужно освободить народ и скот. Однако и эту миссию ему лично не приходится выполнять. Во время поездки Алтын-Бизе в землю ханов Кюндуков ему на пути встречается рыжий жеребец с семью клыками—покровитель рода, который, нацепив весь плененный народ и скот на хвост и гриву, возвращался домой, убежав от семи Кюндуков. Алтын-Бизе дальше едет лишь для того, чтобы наказать захватчиков.

В отличие от «Маадай-Кара» и его вариантов, в которых богатырь сначала освобождает родителей и народ, а затем уж женится, в «Алтын-Бизе», наоборот, богатырь сначала добывает невесту — дочь Солоны-хана, а затем уже отправляется в землю семи Кюндуков. Причем, эта линия сюжета «Алтын-Бизе» усложнена. Молодой богатырь узнает, что у семи Кюндуков есть младшая сестра-красавица, которую сватают за своего младшего брата Алтын-Буудука шесть Сабаров. Девица, оказывается, была предназначена судьбой для Алтын-Бизе. Аян-Ару, дожидаясь его, отчаялась. Но он своевременно явился и вступил в борьбу с соперником и братьями Аян-Ару. Таким образом, задача мести захватчикам усложняется необходимостью добыть вторую невесту. Конечно, с современной точки зрения, женитьба на двух девицах аморальна, но перед нами древний мир, когда многоженство в кругу предводителей родов и племен действительно имело место.

Хотя Алтын-Бизе сам непосредственно не выступает в роли освободителя уведенного в рабство народа, как это делают молодые богатыри «Маадай-Кара» и его

вариантов, тем не менее данное сказание также является одним из вариантов «Маадай-Кара». Об этом свидетельствует совпадение многих узлов сюжета: рождение будущего богатыря от престарелых родителей, нападение врага во время его младенчества, прятание младенца на вершине горы (в «Маадай-Кара» — под четырьмя березами, в «Алтын-Бизе», как и в «Сумер-Тайчы», — в молочном озере), появление старухи или старика (родового духа тайги), помогающих молодому богатырю найти своего коня и боевые доспехи, укрощение коня. Далее в «Маадай-Кара» и его вариантах молодой богатырь сразу отправляется на землю противника. Алтын-Бизе же сначала отправляет своего старого богатыря Каралдая-Мёко к Солоны-хану, чтобы посватать его дочь. Когда тот погибает от руки коварного хана, Алтын-Бизе едет сам, наказывает Солоны, берет его дочь и, отправив ее вместе со своим племянником домой, сам следует дальше—к семи Кюндукам. Перед въездом в стойбище хана конь дает мудрый совет своему хозяину, как победить врагов. Но если в «Маадай-Кара» и его вариантах сюжет поиска душ противников занимает значительное место и следует сразу же после рассказа о прибытии героя на землю врагов, то в «Алтын-Бизе» герой сначала встречается с сестрой семи Кюндуков, затем дважды сталкивается с ними самими и со своими соперниками, и только при третьем столкновении, благодаря тому, что его конь отыскал души семи Кюндуков, он побеждает их. Конечно, рядом своих мотивов «Алтын-Бизе» сближается не только с «Маадай-Кара» и его вариантами, но и с другими эпическими произведениями алтайцев, но тем не менее основным ходом событий, большинством совпадающих сцен и эпизодов это сказание относится все же к циклу «Маадай-Кара».

Однако сюжет эпического произведения, как бы он ни был интересен и занимателен, сам по себе не составляет главного содержания произведения. Каждая версия или вариант того или иного эпического произведения является самостоятельным, оригинальным благодаря жизненному материалу, идеям и образам. Изображаемый мир людей, их взаимоотношения, речи, поступки, обстановка, природа — вот что составляет основное содержание любого эпического произведения. Это-то содержание, полное жизни, человечности, значительно отличает «Алтын-Бизе» от других вариантов, делает его вполне оригинальным произведением.

Сказание начинается с описания жизни родителей Алтын-Бизе — старика Барала и его жены. В «Маадай-Кара» отец богатыря с самого начала изображен хаотом, не имеющим детей, которым он мог бы оставить наследство. В «Алтын-Бизе» старик Барал сперва выступает бедняком. Он живет в юрте, на берегу бурной реки, у подножья родовых золотой и черной гор.

Почти каждое эпическое произведение алтайцев начинается так: указывается родовая гора, река, описывается жилище. Гора называется крепостью (шибее). Во время нашествия врагов алтайцы, в том числе тубалары, спасались в горах, с вершин которых они обычно обрушивали на головы пришедших грабителей камни, или стреляли в них из луков. Поэтому-то ей почтительно дан такой эпитет. Одна гора, золотая, другая, черная, — это южный (солнечный) и северный (лесистый) склоны двух соседних гор. Между ними течет река, которую также с глубоким почитанием называют «сузуп ичкен талайы» (море, откуда, черпая, пьет воду старик).

Во вступлении к сказанию упоминается положение и занятие родителей будущего богатыря. Бедность его изображается почти реалистически: «Не имел коня, чтоб мог узду на него надевать, не имел собаки, которая выбегала бы с лаем». К тому же старик был бездетным. Хотя Баралу и нечего оставить в наследство, но не иметь продолжателей семьи (рода) считалось большим горем. Барал, жизнь которого сложилась очень печально, показан забитым, замкнутым человеком; он ловит рыбу, охотится с луком на зверей, ставит петли на зайцев. Он совсем похож на дореволюционного охотника-туба, черты которого сказительницей перенесены на несомненно древнего эпического персонажа. Но черты древности в образе Барала все же сохраняются. В петлю, поставленную им на зайца, «марал, оказывается, попался». Первоначально, надо полагать, это была специально для марала поставленная петля, а затем, когда такой способ ловли маралов был забыт, ее заменили в сказании заячьей (получилась смешная фантастическая выдумка). Если вслед за нашими историками утверждать, что

северные алтайцы, в том числе тубалары, когда-то были оленеводами, как, например, недавние тофалары или сагайцы, то ловля марала предстанет не фантастической, а вполне реальной картиной древней жизни— картиной приручения дикого зверя. В этом нас убеждает и то, что старик со старухой приносят марала в жертву богу. Такое могло быть только у оленеводов, а не у скотоводов. Кстати, жертвоприношение производится у священного родового дерева—железного тополя. Подобные «священные» деревья (байлу агаш, бай кайын или кам-тыт) у алтайцев существовали еще до недавнего времени. На них шаманы обычно вешали свои бубны и одежду перед смертью.

Чудесное превращение бедняка в хана — мотив, столь распространенный в сказках и эпосе не только алтайцев, но и других народов, — выражает мечту древних о лучшей жизни для простых людей. Старик Барал после жертвоприношения наутро, увидев на своей земле народ и скот, а у коновязи — полосатого коня, безмерно радуется: «На охоту теперь пешком не пойду, мучились мы до старости». Однако чудесное превращение Барала в хана—владельца народа и скота—служит не целям показа всемогущества и благодетельности бога, а является поэтической мотивировкой дальнейших событий, завязкой сюжета. Ведь, если бы этого с ним не случилось, на него никто не напал бы, следовательно, не было бы и дальнейшего повествования. Фантастическое обогащение Барала дает повод для разоблачения алчности и жадности, жестокости и коварства хищных ханов Кюндуков, напавших на Барала. Простой народ ненавидел и осуждал набеги и грабежи и в эпосе выводил образы справедливых вождей и предводителей, которые борются с грабителями. Таким героем в «Алтын-Бизе» является сын Барала. Юч-Курбустан в благодарность за жертвоприношение дает жене Барала — старухе Алтын-Туулай ребенка. Однако главный смысл этого эпизода заключается опять-таки не в изображении доброты бога. Рождение Алтын-Бизе от старых родителей также является поэтической мотивировкой дальнейших событий. Барал изображается старым, ослабевшим, обессилившим. Тем сильнее подчеркивается, насколько бездушны и коварны те, которые осмелились на него, беспомощного, напасть. Эпос не допускает мысли, чтобы грабители остались безнаказанными. Согласно древнему обычаю родовой мести, за отца должен отомстить сын, он должен наказать врагов — врагов не только его семьи, но и всего народа. Алтын-Бизе впоследствии и выполняет эту миссию. Он для этого, по замыслу народного эпоса, и рождается.

В сказании показано очень трогательное, подлинно человечное отношение Барала к своей жене и младенцу. Когда ребенок был еще в утробе матери, Барал беспокоится о своей старухе: «О боже, старуха, останешься ли ты жива?» Когда же она благополучно родила, Барал безмерно радуется сыну, приглашает богатырей уложить мальчика в люльку, ибо сам он, старый и бессильный, не может справиться с ним.

В «Маадай-Кара» при нашествии врагов старый отец заранее сам относит младенца на вершину горы и прячет под четырьмя березами. В «Алтын-Бизе» же для этой роли вводится дополнительный персонаж — рыжий жеребец с семью клыками — вожак табунов и чудесный покровитель рода. Именно он, этот жеребец, явившись ночью после жертвоприношения в стойбище Барала, привел с собой весь народ и скот. Возможно, что первоначально он был тотемом рода или племени, а впоследствии переосмыслен в посланника бога. Он стоит на вершине золотой горы и сверху следит за благополучием народа и скота и их хозяина, Барала. В эпосе богатырские кони всегда идеализируются, а этот священный жеребец — тем более: «Глаза его — словно звезды, уши — как ножницы, тридцать девять прядей гривы за колени заплетаются». Рыжий жеребец издали узнает замыслы всех ханов на земле: он наделен прозорливостью и мудростью. Когда семь Кюндуков намереваются совершить набег на стойбище Барала, жеребец спешит спасти мальчика, ибо враги, как это и было раньше в действительности, уничтожали все потомство побежденного, опасаясь мести. Он отнимает младенца у родителей, уносит на вершину горы и бросает в молочное озеро, которое должно его вскормить.

Родители, не знавшие о существовании такого покровителя, а также о том, что им грозит опасность нападения врагов, горько причитают и плачут о потере единственного сына. (Мотив спасения в минуту опасности младенца — будущего продолжателя

семьи и рода — очень распространен не только в указанном нами цикле, но и в других эпических произведениях алтайцев (ср. например, с «Ак-Тайчы»).

Горе делает Барала беспомощным и покорным. Старику, потерявшему единственного сына, теперь ничего не жалко и, когда приезжают семь Кюндуков, он без сопротивления готов отдать им все: «Нет моих сил для войны, мое пламя угасло, сам я стар стал; возвысить меня хотите — воля ваша, унизить хотите — дело ваше». Даже у жестоких и алчных ханов Кюндуков вид Барала вызывает жалость: «Слишком стар он стал, убить его, что толку в этом?». Они щадят его жизнь, отбирают у него лишь половину народа и скота. Рыжий жеребец внешне тоже как будто покорен, но это не пассивная покорность Барала, а скорее продуманное поведение. Ведь рыжий жеребец знает: спасенный им мальчик-богатырь когда-нибудь все равно освободит их из плена и рабства. Он даже сам отделяет для семи Кюндуков половину народа и скота, терпит от них издевательства, лишь бы не дать им повода уничтожить стойбище.

Угоном семи Кюндуками народа и скота и последовавшей вскоре смертью Барала и его жены заканчивается первая часть сказания. Она подготовила дальнейшее развертывание повествования уже о подвигах главного героя сказания — молодого богатыря Алтын-Бизе.

Биография Алтын-Бизе во многом сходна с биографией главных героев «Маадай-Кара» и его вариантов. Он, как уже сказано, родился от состарившихся родителей. У него еще при рождении и в младенческие годы были заметны признаки будущего богатыря: родился с черной стрелой в правой руке (признак будущего воина); со сгустком черной крови — в левой (будет проливать черную кровь врагов); с малышом не могут справиться старые родители: он, распинавшись, рвет пеленки, разламывает люльку. Все это, по представлению народного поэта, предвещает необыкновенную будущность ребенку.

Прятание младенца во время нападения врагов, по-видимому, было обычным явлением в древности. Но в эпосе о его спасении и воспитании рассказывается в фантастической форме. В «Маадай-Кара» спрятанного отцом на вершине горы мальчика находит и воспитывает старуха — «хозяйка земли». В данном же сказании рыжий жеребец бросает мальчика на дно священного «молочного озера». Озеро его растит. А затем уже является седой-преседой старик (конечно, «хозяин земли»), который указывает мальчику, где находится его конь. В «Маадай-Кара», как мы уже говорили, к мальчику является старуха. Этот персонаж, надо полагать, более древний, идущий еще от периода матриархата. Духи—хозяева гор, рек—первоначально изображались в виде женщин — jер-эне (мать земли). Пережитки этого представления сохранялись у алтайцев до последнего времени (у них много рассказов о встречах охотников с антропоморфными духами гор, которые изображаются в виде голых женщин с огромными грудями, переброшенными через плечи). В период смены матриархата патриархатом духов стали изображать стариками. Такой дух, хозяин родовой горы, и является к мальчику.

Сцена укрощения коня и облачения в богатырскую одежду и доспехи возникла, на наш взгляд, на основе реально существовавшего в древности обряда обращения мальчика в воина. Этот мотив очень распространен в разных эпических произведениях алтайцев. Обряд обращения происходил в очень раннем возрасте. При этом мальчику давали боевого коня, воинскую одежду и доспехи, а также новое имя или к его имени добавляли какой-либо титул (баатыр, алып, кӱлӱк, бӧкӧ, кезер, мерген, солоон) или эпитет (алтын, кӱмӱш, кара, ак и т. д.). В данном сказании юноше его конь дает имя Алтын-Бизе. Кстати, следует сказать, что в орхонских памятниках и древнем огузском эпосе «Книга моего деда Коркута» имена героев также всегда состоят из двух слов, что может быть одним из свидетельств их близости.

Сцену встречи мальчика с добрым стариком и сцену укрощения коня Таштамышева рассказывает весело, с юмором. Диалог между стариком и мальчиком, играющим на берегу озера в камушки, вызывает улыбку слушателей.

«Что, детка, делаешь?» — спрашивает (старик).
«А, что делаю? Играю», —

Мальчик ему отвечает.
«А во что ты играешь?» — спрашивает.
«А разве не видишь?
Бросаю камушки туда и сюда,
Играю я».

Разговор мальчика и коня после укрощения последнего передан в тоне задорного хвастовства того и другого:

Остановившись, жеребенок говорит мальчику:
«Еще немного, постреленок,
Тебе я спину изломал бы!».
Отвечает на это мальчик:
«Еще немного,
Тебе я шею
Перервал бы!»

Но особенно много веселости и смеха во второй части сказания — повествовании о женитьбе богатыря. Здесь выступает ряд новых персонажей, изображенных живыми, меткими штрихами. Сам Алтын-Бизе, спустившийся с вершины горы в свое стойбище, к народу и богатырям, показан уже возмужалым, остепенившимся воином. Он ведет себя уже как хан-предводитель. С неподдельным комизмом показаны люди, которые, встречая Алтын-Бизе, устраивают в честь его пир, в частности, старый богатырь Каралдай-Мёко и семиголовое чудовище-человек Дьелбеген. Дьелбеген — постоянный глупый комический персонаж эпоса — здесь, как и в ряде других сказаний (ср. с «Алып-Манашом»), показан живущим не в лесу, а среди людей. Во время приготовления к пиру он бегает туда и сюда, вместе с людьми рубит мясо, варит араку, чтобы потом «кишок-требухи поесть». Когда во время пира Алтын-Бизе изъявил желание жениться, Дьелбеген предлагает не ездить далеко за невестой, а выбрать одну из его дочерей: «одна—двухголовая, одна—трехголовая, а у одной четыре головы»... За эту глупую дерзость Каралдай-Мёко бьет его ладонью между семью головами, которые отлетают, и он выгребает их лопатой.

Сам Каралдай-Мёко — главный распорядитель двора — показан несдержанным, иногда хвастливым, в пьяном виде — буйным. Он вызывается сосватать для Алтын-Бизе дочь Солоны-хана, т. е. выполнить трудную задачу. Молодой богатырь сначала отправляет его домой:

«Поезжай домой,
Со старушкой немного поспи.
Через три дня
Назад ко мне возвращайся».

Разговор Каралдая-Мёко и его старой жены изображен также юмористически. Сварливая, но любящая мужа старуха, узнав, что Каралдай-Мёко едет сватом к Солоны-хану, боясь за его жизнь, бранит и колотит старика. Однако по прошествии трех дней она сама отправляет его к молодому хану, чтобы выполнил поручение Алтын-Бизе. Зная привычки Каралдая-Мёко, Алтын-Бизе наставляет: «Когда выпьешь араки, ты буянишь. Араки много не пей, лишних глупых слов не говори». Но Каралдай-Мёко забывает его наказ. Приехав к Солоны-хану, он во время сватовства сильно напился и начал буянить и бранить Солоны-хана за его высокомерие и неприветливость. (Солоны, когда вошел Каралдай-Мёко, лежал на ложе и долго не вставал):

«Что, к тебе собака зашла?
Иль человек вошел?
Ни во что (меня) не ставя, валялся.
Отчего же ты не вставал?»

Далее он расхвастался, что его хан сильнее Солоны и конь его лучше. Хвастовство Каралдая-Мёко кончается для него бедою: его бьет насмерть богатырь Солоны-хана — Темир-Мёко.

Рассказ о поездке Каралдая-Мёко к Солоны-хану на первый взгляд кажется как бы вставным — главный герой сказания Алтын-Бизе временно отступает на второй план. Но он органически связан с основным сюжетом. Повествование о разных героях и их приключениях в одном сказании не только разнообразит содержание сказания, но и знакомит слушателя с людьми, окружавшими главного героя.

После гибели Каралдая-Мёко на сцену опять выходит Алтын-Бизе. Узнав о случившемся от коня Каралдая-Мёко, который примчался домой без седока, он теперь уже сам отправляется к Солоны-хану. Здесь раскрываются новые черты характера Алтын-Бизе. Он разгневан жестокостью Солоны-хана, едет, чтобы наказать его. В то же время он очень добр, заботлив и близок к народу.

С немногочисленным народом своим,
Шапку подняв, прощаясь, едет.
Малочисленный свой скот,
К верху плеть подняв,
Плетью прощаясь, оставляет.

Алтын-Бизе, как и другие богатыри эпоса, в пути любит играть на шооре, петь песни. Это вполне реалистическая народная черта. По дороге он встречает своего малолетнего племянника, Алтын-Эргека, которого не знал раньше. Между дядей и племянником у алтайцев взаимоотношения самые близкие: дядя должен печься о нем. В сказании и получила отражение эта теплая кровнородственная связь. Племянник настойчиво уговаривает дядю взять его с собой, сопровождает его в пути, выполняет его поручения. Он становится свидетелем чудесной силы Алтын-Бизе, умеющего обращать одни предметы и вещи в другие. Подъехав к «железному семидесятиствольному тополю», Алтын-Бизе расседлал коня и положил седло на землю — оно превратилось в высокую гору с седловиной; воткнул в землю саблю — она стала скалой; бросил чепрак — он превратился в озеро; разной рыбы, птиц, зверья на том месте стало много. Конечно, это мотив, идущий от глубокой древности, когда действительно существовала вера в чудесные силы, в том числе и человека (мага, колдуна). Такой магической силой часто наделялись и богатыри. В отличие от Алтын-Бизе мальчик Алтын-Эргек еще не может сделать такое чудо. Подражая дяде, Алтын-Эргек так же кинул седло, так же воткнул в землю копье и саблю, но никакого превращения не случилось: седло так и осталось седлом, сабля — саблей, копье— копьем.

«Почему же это так, — дивится мальчик, —
У дяди получилось,
А у меня — нет».

В образе Алтын-Эргека очень правдиво показан алтайский мальчик: он ловит зайцев, рыбу, ловко жарит их на вертеле (без подпалины) и кормит дядю, а когда приехали послы Солоны-хана, он проворно принимает от них коней и привязывает их к дереву. Таких мальчиков в горах Алтая можно встретить и теперь. Наряду с Алтын-Эргеком на сцене появляется и другой персонаж — чудесный каурый, второй конь Алтын-Бизе, созданный богатырю мудрым советчиком-помощником и невидимо сопровождавший его в поездке к Солоны-хану. Этот конь, превратившись в старуху, готовит пищу и подает ее на стол гостям. Посланные мудрецы Солоны-хана не догадались, что это конь-оборотень и лишь младший из них замечает у старухи торчащий из-под штанины лошадиный хвост. Старушка, как и ее хозяин, обладает магической силой. Она, вызвав большой снегопад, уничтожает посланное Солоны-ханом войско, затем побеждает его шаманку. В алтайском эпосе очень часто в роли шаманов (камов) выступают женщины-старушки. Причем эти шаманки всегда находятся в лагере врагов. На наш взгляд, перед нами выступают шаманки матриархата, и эпос, сложенный в период утверждения патриархата, показывает их в отрицательном плане. Старуха Алтын-Бизе, вызвав сильный холод, вморозила берестяную лодку шаманки Солоны-хана посредине озера.

Прибыв в стойбище Солоны-хана, Алтын-Бизе совершает свои первые подвиги. В алтайском эпосе имеется несколько сюжетов героического сватовства: взятие не-

весты силой (после борьбы с отцом невесты или с ней самой), вследствие победы на состязаниях женихов (при этом также происходит поединок между соперниками), после выполнения трудных поручений отца невесты (в конце жених часто расправляется с коварным тестем). В Алтын-Бизе» молодой богатырь принимает участие в состязании, но не с соперниками, а с самим Солоны-ханом: состязаются их кони, затем Алтын-Бизе борется с силачом Солоны-хана — Темиром-Меко. Одержав победу, он вступает в борьбу с самим Солоны-ханом, оторвавшим голову его племяннику Алтын-Эргеку, и ударяет его насмерть.

Конечно, для современного слушателя или читателя странным покажется то обстоятельство, что в алтайском эпосе почти всегда, в том числе и в данном сказании, отец невесты изображается жестоким и коварным ханом. Но надо учесть, что эпос слагался в период существования родо-племенной вражды, насаждавшейся в течение веков аристократической верхушкой. Эта вражда приводила к частым столкновениям между представителями разных родов и племен, а при экзогамных отношениях затрудняла браки между молодыми людьми этих родов: жениху при добыче невесты приходилось сталкиваться с представителями другого, чужого, рода, часто применяя при этом силу и ловкость. Эпос, героизируя подвиги молодых людей, добывающих невест, в то же время осуждает вражду родов и племен.

Состязание и борьба с Солоны-ханом — кульминационный момент второй части сказания. Однако сказительница Таштамышева слабо изобразила его. Несколько подробнее и интереснее рассказала она о конском ристалище, но единоборство Алтын-Бизе и Темир-Мако, Алтын-Бизе и Солоны-хана показала очень кратко, как бы мимоходом. Не склонная к изображению крупных батальных сцен, Таштамышева любит зато и хорошо умеет показывать бытовые сцены и характеры. Особенно ей удаются, как мы видели, диалоги, меткие и смешные.

Уничтожив Солоны-хана, Алтын-Бизе оживляет Каралдая-Меко и Алтын-Эргека и поручает им увезти невесту и угнать скот. Но сказание умалчивает о том, согласна ли дочь Солоны-хана идти за Алтын-Бизе. Ее чувства и переживания никак не раскрыты. Она фигурирует просто как военная добыча Алтын-Бизе. Скот Солоны-хана угоняется также как добыча, но добыча, взятая в качестве наследства невесты.

Алтын-Бизе невесту отправил домой на своем кроваворыжем коне, сам пошел пешком к семи Кюндукам. Сложилась смешная ситуация: богатырь идет пешком, без коня, взвалив на себя седло и потник. Но в эпосе ничто случайным не бывает. Богатырь, по-видимому, надеялся, что к нему явится каурый конь. Каурка является. Диалог между Алтын-Бизе и кауркой очень комичен. Каурка упрекает Алтын-Бизе за то, что тот отдал своего коня невесте ,говорит, что он, каурка, создан ему не для езды, а быть советчиком. Алтын-Бизе пытается настоять на своем. Он хочет оседлать каурку: «Не-ет! Я оседлаю тебя! Неужели я пешком до семи Кюндук-ханов пойду, изнуряя ноги?» На это каурка отвечает:

«Ну, на пути трехмесячном посостязаемся.
Если догонишь меня и поймаешь —
Буду тебе конем.
Ну, а если не сможешь догнать и поймать,
Тогда к семи Кюндук-ханам,
Две ноги оседлав,
Пешком доскачешь».

В рассказе о состязании Алтын-Бизе и каурого коня они оба выступают чудесными оборотнями — качество, которым обладают чуть ли не все богатыри алтайского эпоса. Конь бежит, превращаясь в лисицу, серого волка, медведя; Алтын-Бизе летит, становясь то ласточкой, то беркутом, то орлом. Только сильно разгневавшись, Алтын-Бизе догоняет коня. Но когда он, рассвирепевший, оседлал коня и сел на него верхом, каурка не мог двинуться с места. «Везти сердитого тебя у меня не хватило сил»—говорит конь. Гнев Алтын-Бизе остывает и он становится легче. По пути, как уже было сказано, Алтын-Бизе встречает рыжего жеребца, который, нацепив на хвост и приву весь народ и скот Барала, возвращался домой. Этот жеребец раньше, опуская

мальчика в озеро, наложил на его спине копытом клеймо. Теперь по нему он узнал, что перед ним стоит Алтын-Бизе. Встреча очень трогательная: «Руки на плечи положив, оба вместе заплакали». Алтын-Бизе дает жеребцу стрелу, по которой тот может узнавать о жизни и смерти богатыря. Этот мотив широко распространен в алтайском эпосе (сравни, например, с «Алып-Манашом») и играет важную роль в сюжете данного сказания: когда стрела покроется ржавчиной — значит, богатырь погиб, и жеребец должен придти на помощь.

Достигнув земли семи Кюндуков, Алтын-Бизе, по совету своего мудрого коня, сначала, обернувшись ласточкой, проникает во дворец их младшей сестры, которая, оказывается, предназначена ему в жены. Этот отход от прямой сюжетной линии, ее усложнение, на наш взгляд, является более поздним наслоением. Конечно, мотив предопределенности невесты судьбой—очень древний, возникший в период обмена между теми или иными родами невестами и женихами (из любого рода невесту нельзя было брать). Богатырь оказывается в сложной ситуации: ему нужно уничтожить врагов (для того и приехал), но в то же время он должен взять в жены их младшую сестру. Ради последней Алтын-Бизе готов отказаться от мести, забыть обиду. Теперь, после встречи с Аян-Ару, он отправляется к семи Кюндукам, чтобы сосватать ее. Однако, семь Кюндуков, пирующие вместе с шестью Сабарами и Алтын-Буудуком, даже не отвечают на его приветствие, не смотрят в его сторону — так они высокомерны, неприветливы. Узнав, что уже состоялась встреча Алтын-Бизе с Аян-Ару и она дала согласие выйти за него замуж (на Алтын-Бизе была одежда, сшитая невестой для жениха, и ее золотое кольцо), они усаживают его за стол и отравляют ядом. Надо полагать, что отравление ядом было обычным способом расправы с сильными врагами в древности, ибо этот мотив встречается во многих сказаниях.

Сказительница осуждает Алтын-Бизе за то, что он во время сватовства не был осторожным и напился дьяным. Она бросает реплику: «Видно, что жаден до вина». Потому и попал в беду».

Слушателя увлекает рассказ о том, как каурый конь помчал перевесившегося через него отравленного хозяина, чтобы не отдать его в руки врагов.

Начнет он падать назад —
(Конь) хвостом поддерживает.
Начнет падать вперед —
Тридцатью девятью прядями гривы
Каурка придерживает.

Каурка, преследуемый врагами, устав, зарывает хозяина в черную россыпь. Прятание или хоронение в россыпи — действительное явление старины. До сих пор среди алтайцев распространено предание, что джунгарский хан (Ойрот-каан) во время похода на Алтай похоронил свою умершую дочь в черных россыпях на берегу Телецкого озера. Это место указывают и поныне. Спрятав хозяина, конь, далее преследуемый врагами, прыгнул в подземелье. Очень образно изображена картина, как в подземелье его поймали девять шулмусов (подземные духи) и начали пахать на нем землю. Землепашество на Алтае было известно и в древности, о чем свидетельствуют следы многочисленных древних арыков, и поэтому едва ли можно думать, что это — позднее наслоение. Шулмусы так усердно его погоняли, что «не осталось мяса на макушке, конь в скелет превратился». Лишь тогда, брошенный шулмусами, конь вырвался на волю. Прибежав к хозяину, он бросает его в черное и белое озеро, где выходит из него весь яд. Конечно, здесь имеется в виду лечение целебными источниками (аржан), которыми богат Алтай.

Едва придя в себя, Алтын-Бизе опять едет к семи Кюндукам. Сказительница снова вставляет реплику: «До чего ж он упрям! Не ехать к ним, бежать бы надо, а он, упрямясь, едет». Но этот упрек не осуждающий, а раскрывающий одну из черт характера богатыря — его настойчивость, упрямство. На этот раз семь Кюндуков со своими помощниками убили Алтын-Бизе и его коня, хотели сжечь их тела, но тела превратились в золотой и серебряный «камни». Тогда Кюндуки бросили их в бездонное озеро, которое, по представлению древних, связано с подземным морем Тойбодым. Вот

тут-то и приходит на помощь рыжий жеребец с семью клыками, увидевший, что стрела Алтын-Бизе заржавела дочерна. Он находит души Алтын-Бизе и его коня (два бобренка, спрятанные внутри родового дерева — железного тополя) и отправляется к семи Кюндукам. Очень ярок и увлекателен рассказ о том, как рыжий жеребец, обернувшись большим хариусом, достал из озера тела Алтын-Бизе и его коня. Каурка, оказывается, погибая, узнал, где находятся души семи Кюндуков. Алтын-Бизе, дважды чуть не погибший, теперь сильно разгневан, его ничто не остановит — решил расправиться с врагами. Он едет на рыжем жеребце к семи Кюндукам, а каурый конь пускается на поиски их душ. Рассказ о поисках душ врагов конем, как мы уже отмечали, в отличие от других вариантов этого сказания, упущен. По-видимому, это исходит от самой Таштамышевой, которая значительно приближает эпос к реальной жизни. Сцену борьбы с врагами она также сильно сократила: богатырь разрывает их души, и они падают мертвыми. Алтын-Бизе берет Аян-Ару, скот, вьючит добро, наследницей которого осталась девушка, и все едут домой. Сказание заканчивается свадьбой. Свадебный обряд подробно не описывается, но некоторые элементы его упоминаются.

У дочери хана Солоны,
У младшей сестры семи Кюндук-ханов
Пояса с талии снимают,
Пять косичек расплетают,
В две косы их заплетают.

Описание обильного многодневного пира («девяносто дней была свадьба, шестьдесят дней шел пир»), после чего богатырь начинает «спокойно, мирно» жить — традиционная концовка сказаний.

Героическое сказание «Алтын-Бизе» в исполнении Таштамышевой — произведение небольшое, но насыщено богатым содержанием. Оно, несмотря на свою фантастичность и мифологичность, в поэтической форме, в рамках эпоса, отражает реальные факты и явления жизни древних племен Алтая. Они-то и легли в основу как главных сюжетных конфликтов, так и отдельных эпизодов и мотивов «Алтын-Бизе». В сказании столько реальных деталей быта и культуры, что по ним вполне можно восстановить определенную картину древности. Изучение всей этой жизненной, реальной основы эпоса, вплоть до мельчайших деталей, является важнейшей задачей исследователей. Но эпос — не история и не этнография. Основным содержанием его, как и в литературе, являются люди, их взаимоотношения, поступки и действия, народные черты их характеров. В «Алтын-Бизе» представлена целая галерея персонажей. Правда, некоторые из них (возможно, только в исполнении Таштамышевой) слабо раскрыты. Мы не можем вполне конкретно представить себе облик женщин: Алтын-Туулай, дочери Солоны-хана (у нее даже имени нет), Аян-Ару, соперника Алтын-Бизе — Алтын-Буудука и его братьев. Не вполне раскрыты и, казалось бы, очень важные образы Солоны-хана и семи Кюндуков. В образах семи одинаковых Кюндуков народ изображает алчных и жадных ханов, жаждущих умножения числа своих рабов и скота. Они нападают на бессильных и беззащитных, угоняют народ и скот. В этом отношении семь Кюндуков — типичные персонажи, встречающиеся почти в каждом эпическом произведении. Семерых Кюндуков и Солоны-хана объединяет общая черта: они высокомерны и неприветливы, для них гость не гость, человек не человек — людей считают хуже собак. Солоны-хан спит на ложе, когда в его дворец вошел Каралдай-Мёко. (Кстати, Алтын-Бизе, когда к нему пришли богатыри и мудрецы Солоны-хана, ответил тем же). Семь Кюндуков не издали ни звука на приветствие Алтын-Бизе и даже не посмотрели в его сторону. Ханы, чтобы избавиться от противника, прибегают к жестоким и коварным средствам: Солоны убивает посла Алтын-Бизе и прячет его тело в глубокой яме, семь Кюндуков отравляют богатыря, а затем вместе с шестью Сабарами и Алтын-Буудуком, напав на него одного, убивают его. Таковы главные черты врагов. Очень кратко охарактеризованы и помощники Солоны-хана: «неудержимый ни горой, ни водой» Тарданак-Мёко, главный распорядитель его стойбища — силач Темир-Мёко, шаманка, плавающая в берестяной лодке, три глупых мудреца (правда, младший показан более наблюдательным, но с ним никто не считается).

Но зато с большим вниманием, живо и многосторонне изображает Таштамышева положительных персонажей — основных героев сказания. Конечно, в их характерах, как это и должно быть в произведении эпоса, много обобщенных, общенародных черт, но, тем не менее, каждый персонаж предстает перед нами как конкретное живое лицо.

Мы уже видели, что в сказании живыми, выпуклыми штрихами нарисованы образы покорного судьбе оленевода Барала, буйного Каралдая-Мёко, проворного и шустрого мальчика Алтын-Эргека и других. Но наиболее разработан образ Алтын-Бизе — центрального героя. Сказание повествует об основных этапах его жизни: рождении, обращении в воина, женитьбе и свершении подвига. Во всех этих рассказах раскрывается богатырский облик Алтын-Бизе, подчеркивается его физическая сила и ловкость, проявляющиеся во всех случаях, особенно при ловле арканом и укрощении коня — черта, столь свойственная алтайцам-коневодам. В образе Алтын-Бизе мы видим также черты, идущие от глубокой древности, когда во главе рода или племени стояли колдуны-маги. Он наделен оборотничеством, умением превращать одни вещи в другие, связан с различными сверхъестественными силами (духами гор и воды). Конечно, первоначальный смысл этой магической силы Алтын-Бизе впоследствии был забыт и все эти его способности стали просто фантастическим элементом сказания. Но и в этом случае образ богатыря-чародея поражает слушателя своей чудесной силой.

Фантастика в данном случае выполняет определенную художественную функцию, служит традиционным приемом изображения силы и умения богатыря (как и гипербола).

Сказительница Таштамышева умеет (конечно, в рамках и возможностях эпоса) раскрыть и внутренний мир своего героя. Алтын-Бизе сначала предстает веселым и задорным, ни о чем не заботящимся мальчиком. Он весело, с детской ухмылкой разговаривает со стариком — духом горы, хвастается перед укрощенным жеребенком. Но, став воином и оказавшись предводителем народа, он ведет себя степенно, с уважением относится к старшим. Алтын-Бизе любит играть на дудке, петь песни. Такой человек не может жаждать кровопролития, грабежа. Но когда допускается кем-то жестокость, несправедливость, Алтын-Бизе приходит в гнев. В гневе он преображается: становится весом тяжелее, глаза наливаются кровью, на спине вырастает лес, у него прибавляются силы, и он беспощадно расправляется с врагами.

Однако Алтын-Бизе дан не в исключительно положительном прямолинейном плане. Он не всепобеждающий, не всепреодолевающий герой. И у него бывают промахи и ошибки. Сказительница упрекает его за то, что во время сватовства он выпил много вина, отчего попадает в беду (сравни с Алтай-Буучаем, который из-за этого же погиб). Он чрезмерно упрям и в открытую идет на врагов, хотя их много и он может погибнуть.

Очень обаятельны кони богатыря, которых у него три (как у Алтай-Буучая же). Каждый из них имеет свое назначение: на одном Алтын-Бизе ездит, другой—советчик, третий — вожак табуна и покровитель рода. Его кони не только быстры в беге, сильны в борьбе, но и прозорливы. Часто они даже дальновиднее и мудрее своего хозяина.

Живость, наглядность изображения, сочетающаяся с остроумным комическим диалогом, придает повествованию Таштамышевой необыкновенную веселость. Ее рассказ увлекает слушателей, оказывает на них сильное эмоциональное воздействие, яркие картины и меткие выражения запоминаются навсегда.

Благодаря всему этому сказание Е. К. Таштамышевой «Алтын-Бизе» следует считать одним из лучших произведений алтайского героического эпоса.

С. СУРАЗАКОВ

АЛТЫН-БИЗЕ

Не имея коня, чтобы мог узду на него надевать,
Не имея собаки, которая выбегала бы с лаем,
Не имея ребенка, чтоб слово ему молвить,
Жил старик по имени Барал.
Семидесятисемистенная,
Шестидесятивосьмиуглая,
Его золотая юрта стояла.
В золотой юрте
Алтын-Туулай его жена сидела.
И не было у него, кроме этого, ничего.
Водоемом, откуда, черпая, воду пил,
Бурная, волнистая
Белая река служила.
По ту сторону (ее) росли
Разные деревья.
В стороне восхода солнца,
Золотом отливая,
Крепостью стояла золотая гора.
На вершине ее росли
На голом месте два дерева.
За слиянием рек
Черная гора была крепостью.
(Старик был все-таки силен!)
Бродя берегом белой реки,
Ловил рыбу,
На золотую гору поднявшись,
Зверя, бывало, застрелит.
Жену свою Алтын-Туулай
Мясом зверей кормил.

Так он и жил.
Как-то в один из дней
К заячьим петлям пошел
Посмотреть, не попался ли заяц.
Приходит, а в одну петлю
С шестьюветвистыми рогами
Марал, оказывается, попался.
Старик его за шею
Тонкой веревкой привязал,
Домой на поводу повел.
Домой приведя, кричит:
«Старуха, пойди-ка сюда!»
Жена поспешно вышла,
Марала увидав, с удивлением сказала:
«Что это за диво!
В заячью петлю
С шестьюветвистыми рогами
Марал попадается?!..[1]
И что мы за люди?
Нет собаки, что выбегала бы с лаем,
Нет коня, чтоб его обуздать,
Детей нет, чтоб слово им молвить.
А ты, на зверей охотясь,
Руки-ноги издирая о кустарники,
Ходишь — горюешь и плачешь.
Ну коль бог нам дал,
Сделай богу жертвоприношение».
На берег белой реки
Старик со старухой вдвоем пошли.
Марала с шестьюветвистыми рогами
Туда с собой повели.
У семидесятиствольного железного тополя
Марала с шестьюветвистыми рогами
Зарезали, разделали,
Богу жертвоприношение сделали.
Остальное мясо, на плечах принеся домой,
Со старухой стали варить.
Вареное мясо в тепши[2] наложив,
Кушать стали.
Кушая, старуха сказала:
«Все это что-то предвещает,
Должно быть неспроста?»
Настала ночь, уснули вдвоем.
Когда приблизился рассвет,
Стариков что-то встревожило.

Проснулись и слышат:
На улице — ржание коней,
Мычание коров,
Разговор людей.
Старик говорит старухе:
«Откуда народ прибыл,
Откуда скот появился?»
Дверь открыв, старик выглянул:
Мягкая, как хлопок, степь,
Которую глазом не окинешь,
Очень красивым скотом,
Очень красивым народом заполнена.
Народом управляет
Ездящий на темно-буром коне
Каралдай-Мёко.
А белым скотом,
Скача галопом, управляет
Ездящий на светло-сером коне
Старик Ак-Сагал, оказывается.
Семиглавый Дьелбеген
В устье рек распоряжается.
Народ поселяют на местах с дровами,
Скот ставят на местах с пастбищами.
Рыжий жеребец с семью клыками,
Белый скот охраняя,
На вершине золотой горы стоит.
На железную семидесятиствольную коновязь взглянул —
Полосатый, как тигр, привязанный конь там стоит.
Ходивший пешком старик Барал,
Заимев коня, обрадовался.
«На охоту теперь пешком не пойду, — говорит. —
Мучились мы до старости:
Не было собаки, чтобы с лаем выбегала,
Не было лошади, чтоб могли обуздать.
Рыбою белого моря,
Зайцами золотой горы
Питались и жили мы.
Бог все теперь нам дал».
Старик отныне ханом стал.
На ложе золотом,
Ноги вытянув, лежит.
Пока так жили, старуха
Запоносилась, забеременела

На старости.
«О боже, старуха,
Останешься ль ты жива?» —
Старик ей говорит.
После того, что случилось, родился ребенок.
В правой руке держал
Ровную стрелу черную,
В левой руке держал
Сгусток черной крови.
Радуясь сыну, старый Барал
Богатырей своих приглашает,
Им наказывает:
«Ребенка вы берите,
В люльку удобно уложите!»
Богатыри, широкий шелк разрывая,
Пеленки мальчику готовят,
Из хвойных деревьев (покрепче) выбирая,
Люльку мастерят.
(Мальчик) пинаясь, широкий шелк разрывает,
Люльку из хвойного дерева,
Пиная, ломает.
Ничего с ним не поделаешь!
Приносят дерево низкорослое, крепкое,
Изгибают, люльку делают.
Из бычьей шкуры
Пеленки делают.
В шубах золотых силачи,
Молодцы в серебряных шубах
Руки-ноги младенца
Коленьями сгибают,
Мальчика в люльку укладывают.
Ребенок громко плачет.
Семидесятисемистенный,
Шестидесятивосьмиуглый
Золотой дворец качается.
(Богатырем же родился сын!
Старику с ним не справиться!)
Лишь силачи-молодцы, придя,
Ребенка в люльку уложили.
После рождения ребенка
Рыжий жеребец с семью клыками,
На вершине золотой горы
Стоя под двумя одинокими деревьями,
Пути шестидесяти ханов
Стал вокруг наблюдать,

15751

Горно-Ал областная БИБЛИОТЕКА.

Пути семидесяти ханов кругом
Стал осматривать.
Смотрит и видит:
В стороне восхода солнца
Ездящие на семи серых конях
Семь Кюндук-ханов,
Чтоб напасть на земли старого Барала,
Оказывается, собираются.
«У старика Барала скот создан,
Появился народ у него.
Нужно поехать и завоевать,
Скот отнять и пригнать,
Землю его опустошить», —
Так поступить собираются.
Рыжий жеребец с семью клыками
Не знал, что делать.
Если семь одинаковых Кюндук-ханов явятся,
Ребенка неокрепшего
Они убьют.
«Нет, этого младенца спрятать надо,
В руки врагов отдавать нельзя».
Рыжий жеребец с семью клыками
Под гору вниз помчался.
Глаза его — словно звезды,
Уши его — как ножницы.
Тридцать девять прядей гривы
За колени заплетаются.
С вершины золотой горы
(Конь) вниз спускается.
Спустившись с золотой горы,
Напрямик помчался,
Дверь золотого дворца открыл.
Открыл и видит:
Те старик со старухою
Белую кошму расстелили,
Дитя покатывают, забавляются.
Рыжий жеребец с семью клыками
Во дворец вскочил,
Ребенка посредине зубами схватил,
Где стоял — там след остался,
Куда умчался — след простыл.
Старик со старухою удивились,
Ладонями оба всплеснули,
Оба щеки расцарапали,
Вдвоем, плача, остались.

«Из-под земли нечистая сила
Дитя наше, придя, унесла ли?
Или злая земная сила,
Придя на нас, коснулась ли?» —
Так, горько причитая, плакали.
Рыжий жеребец с семью клыками
К двум деревьям (на горе)
С ребенком умчался.
У подножья тех деревьев
Круглое, как чаша, молочное озеро было.
Об этом зная,
Ребенка туда отнес,
Между двух лопаток
Копытом клеймо наложил,
Опуская ребенка в воду, сказал:
«Если богатырем рожден ты,
Лежа на дне этого озера
Вырастешь и окрепнешь.
Если простым человеком создан,
Ты там умрешь».
Ребенка опустил, а сам,
Не сходя с места, смотрит.
Смотрит и видит:
Семь Кюндук-ханов
Подъезжают все ближе.
Рыжий жеребец с семью клыками
С вершины золотой горы
Вниз снова спустился.
Ездящему на черно-буром коне
Каралдаю-Мёко наказывает,
Ездящему на светло-сером коне
Старику Ак-Сагалу наказывает,
Дьелбегеню семиглавому наказывает:
«Незнакомые гости
К нам прибывают — встречайте,
Коней принимайте, привязывайте.
От дворца до коновязи
Белый шелк расстелите.
Гостям на землю ступить не давайте,
По шелку их ведите,
В золотой дворец вводите.
С гору мяса нарубите,
С море араки[3] наварите,
Гости большие, знатные
К нам прибывают».

Люди тут заволновались,
С гору мяса нарубили,
С море араки наварили.
Сам старик Барал,
На ложе золотое
Поднявшись, сидит.
И пока так поджидали,
Семь Кюндук-ханов прибыли.
У приехавших ханов
Богатыри в шубах золотых,
Силачи в серебряных шубах
Коней их принимают, привязывают,
Самих под руки ссаживают,
В семидесятисемистенный,
В шестидесятивосьмиуглый
Золотой дворец,
Под руки держа, вводят.
Золотой стол выдвигают,
Вкусную пищу разную
На стол ставят.
Араку в золотых тажуурах,[4]
Араку в серебряных тажуурах поставив,
Прибывших гостей угощают.
Семь Кюндук-ханов,
Пищи-соли отведав,
Араки попив,
Старику Баралу сказали:
«Ну, Барал, ты с нами
Воевать найдешь ли силы?» —
«Нет, — отвечает старый Барал, —
Нет моих сил для войны,
Пламя мое угасло,
Сам я стар стал.
Возвысить меня хотите — воля ваша,
Унизить хотите — дело ваше».
Тогда они говорят:
«Коль воевать ты уж не можешь,
Из года в год налог-дань
Сможешь ли нам платить?»
«Нет, не смогу я и этого,
Ничего я сделать не могу.
Поступайте теперь, как хотите», —
Им старый Барал говорит.
Услышав это, семь Кюндук-ханов
На улицу из дворца вышли,

Выйдя, стали советоваться:
«Стар он слишком стал,
Убить его, что толку в этом?
Красив же скот его —
Часть скота отделив, заберем.
Народ его очень красивый —
Часть народа, отделив, возьмем.
Старику оставим немного скота,
Оставим немного народа»,—так говоря,
К старику вошли.
Широкие, как поле, ладони подавая,
Говорят старику, прощаясь:
«Домой уезжать время настало,
Часть скота твоего, отделив, заберем,
Часть народа твоего уведем». —
«Воля ваша,
Их отнять у вас я не смогу»,—
Старик Барал им отвечает.
Семь Кюндук-ханов
На семь серых своих коней сели,
Семьдесят табунов лошадей разделять стали.
Семьдесят табунов лошадей
Вокруг золотой горы погнали,
Ни один конь не отделяется.
Семьдесят дючинов[5] народа разделять стали —
Народ семидесяти дючинов,
Смешиваясь, не разделяется.
Рыжий жеребец с семью клыками
С вершины золотой горы
Смотрит и видит:
Семь одинаковых Кюндук-ханов,
Не справившись, могут озлобиться,
Совсем разрушив стойбище, могут уехать.
«Стой, я сам спущусь,
Посмотрю, во всем разберусь», —
Так говоря, с золотой горы,
Золотой песок осыпая,
Вниз рысью помчался.
Тридцать девять прядей гривы
За колени заплетаются,
Глаза сияют, как звезды,
Уши, словно ножницы.
Рыжий жеребец с семью клыками
Вниз (с горы) спускается.
Рысью вокруг табунов обежал,

Семьдесят табунов лошадей
Надвое разделились.
Вокруг народа обежал,
Семьдесят дючинов народа
На две части разделились.
Отделившихся лошадей,
Отделившийся народ гоня,
Рыжий жеребец с семью клыками
В сторону восхода солнца,
С ними отправился.
Волнистое бурное белое море
Вспять на восток потекло.
Деревья, украшавшие берег его,
Вслед за ним склонились.
«Вот это конь так конь,
На охоту бы на нем ездить!» —
Семь Кюндук-ханов сказали.
Мышцы ног коня
Пиками, мечами прокалывая,
Надсмехаясь и издеваясь,
Вслед за ним едут.
Рыжий жеребец с семью клыками,
Черной кровью истекая,
Белый скот погоняет,
Народ погоняет,
К семи одинаковым Кюндук-ханам
В стойбище направляется...
А те старик со старухой
Вдвоем еще пожили
И вскоре умерли.
Ездящий на черно-буром коне
Каралдай-Мёко,
Ездящий на светло-сером коне
Старик Ак-Сагал,
С ними Дьелбеген семиглавый,
Гроб их золотом, серебром украсив,
На вершину золотой горы внесли,
Там похоронили.
Жить теперь одни стали.
А ребенок, что в воду был брошен
(О том, что он в воду брошен,
Откуда они знать могли?),
Из воды выбравшись,
На берегу молочного озера
Камушками играя,

Совсем голый сидел.
Седой-преседой старик
К нему подошел.
«Что, детка, делаешь?» — спрашивает.
«А что делаю? Играю» —
Мальчик ему отвечает.
«А во что ты играешь?» — спрашивает.
«А разве не видишь?
Бросаю камушки туда и сюда,
Играю я». —
«Ну, эту игру, — говорит, — кончай.
Как перевалишь вон тот холм,
Кобылица рыжая с шестью клыками
Там ожеребилась.
Жеребенка ее иди поймай», —
Так сказал старик мальчику.
«А у меня нет ничего,
Чем я поймаю его?» —
Мальчик говорит старику.
Тогда старик ему,
Кожаный мешочек свой открыв,
Свитый из цветного шелка
Девяностоаршинный аркан подал.
«Попробуй вот этим словить», —
Мальчику он сказал.
Мальчик взял, обрадовался,
В сторону холма побежал.
На холм поднялся,
По ту сторону взглянул и видит:
Кобылица рыжая с шестью клыками
Там ожеребилась, стоит.
Жеребенок через мать туда перепрыгнув,
Молоко шестидесяти кобылиц
До конца высасывает,
Сюда перепрыгнув,
Молоко пятидесяти кобылиц
Без остатка высасывает.
Мальчик, аркан приготовив,
На жеребенка петлю накинул,
На тонкую шею ведь одел же!
Когда жеребенок с визгом помчался,
Аркан вокруг себя ребенок
Несколько раз обернул.
Лягнет по камням жеребенок —
Выворачиваются камни,

По берегу помчится —
Обваливается берег.
Никак его не остановишь!
Золотую гору огибая,
За собой мальчика волоча,
Без остановки мчится жеребенок.
Каково ржанье жеребенка,
Таков и крик мальчика.
Так сопротивляясь и борясь,
Устав, остановился жеребенок.
Как остановился жеребенок,
Успокоился и мальчик.
(Куда ему деваться!).
Остановившись, жеребенок говорит мальчику:
«Еще немного, постреленок,
Тебе я спину изломал бы!»
Отвечает на это мальчик:
«Еще немного,
Тебе я шею
Перервал бы!»
Так вели они беседу.
«Ты в какой земле родился?» —
Конь у мальчика спрашивает.
(Конечно, конь! Пока бился —
Успел он подрасти).
Коню мальчик отвечает:
«А где же мне родиться?
Под двумя деревьями одинокими,
В круглом озере
Вырос и окреп я,
Больше ничего,—говорит,—не знаю».
«Ну, коль так, идем туда» —
Конь говорит мальчику.
Коня мальчик на поводу повел,
К озеру направился.
Оказался конь смирней собаки
И на нем уж ездить можно.
Мальчик сам уже
Возмужал.
Но, одежды не имея,
Шел он совсем нагой.
К двум одинаковым деревьям
Вдвоем они явились.
Приходят — вот чудо!
Вся одежда, какая нужна,

Под двумя одинаковыми деревьями
Сложена — здесь лежит.
Подошел, коня привязал,
Стал надевать штаны, рубаху,
Обувь с подошвой в девять рядов,
Притопывая, обул.
Золотом украшенную шубу одел,
Восьмирядную защитную кожанку,
Девятирядную железную кольчугу надел,
В украшенный наряд облачился,
При луне и солнце сверкающим
Золотым поясом подпоясался.
Черную бобровую шапку
Набекрень надел.
Стальное черное копье
На локоть руки прикрепил.
С семьюдесятьюсемью зарубками
Сосновый лук, луне подобный,
На спине прикрепил.
Теперь коня седлать надо.
Золотую узду взял,
На коня (своего) одел.
Седло, потник схватил
К коню подошел.
Широкий, как поле, потник положил,
Вслед за ним положил чепрак.
Седло гнутое чугунное положил.
Ровно подтянул тридцать девять подпруг,
Три подфеи одинаково заправил,
Коня хорошо снарядил.
«Собрались теперь мы в путь,
А кто же даст нам имя?» —
Конь у юноши спросил.
Услышав это, юноша ответил:
«Разве мне трудно дать тебе кличку?
Тебя по масти нужно назвать, —
Так коню ответил, —
Ты кроваво-рыжий конь будешь».
Говорит тут конь его:
«Разве трудно дать тебе имя?
На вершине золотой горы
Под одинаковыми двумя деревьями
Вырос ты, человек.
Алтын-Бизе твое имя пусть будет».
Вдвоем имена друг другу дали.

Алтын-Бизе на вершину золотой горы поднялся.
Глаза его—словно звезды,
Очень уж красивым был юноша.
С вершины золотой горы видит:
Обширные пастбища раскинулись —
Но мало на них скота.
Где народ жил — места привольные,
Степь широкая, которую глазом не окинешь, —
Опустевшей стоит.
«Что случилось на этой земле?
Постой, нужно спуститься, посмотреть», —
Алтын-Бизе коню своему говорит.
С вершины золотой горы
Алтын-Бизе стал спускаться.
И когда он спускался,
На черно-буром коне ездящий
Каралдай-Мёко его увидал, узнал.
«Пусть он и ребенок,
Повелитель наш едет — говорит. —
Пусть он и мал,
Хан, — говорит, — наш едет.
Его встречать нужно».
Малочисленный народ собрав,
Навстречу едет, встречает.
На кроваво-рыжем коне Алтын-Бизе
К золотому дворцу подъехал.
В золотых шубах силачи,
В серебряных шубах богатыри
С лошади его снимают под руки,
В золотой дворец вводят.
Каралдай-Мёко на улице
Приготовлениями распоряжается:
«С гору мяса нарубите, — говорит, —
С море араки наварите, — говорит, —
Алтын-Бизе мы пир устроим».
Тут народ засуетился,
Для пиршества Алтын-Бизе
Забивая скот пожирнее,
С гору мяса нарубили,
С море араки наварили.
Семиглавый Дьелбеген[6]
С ними вместе трудится,
Кишок-требухи поесть хочет.
Сам старик Ак-Сагал
Во дворце распоряжается.

Золотой стол заставил выдвинуть,
Яства-сладости велел поставить.
Из золотых и серебряных тажууров
Араку стали наливать,
Народ начал веселиться.
Алтын-Бизе,
Свой пир справляя, спросил:
«Пир идет, все это хорошо.
Ну, а это бурное белое море
Вспять почему потекло?
Есть ли кто, знающий это?» —
«Нет, — говорят, — мы не знаем.
Нет у нас человека, который бы знал.
Таким оно и было создано».
(Не говорят, хотя и знают).
«На берегу белого моря
Растущие зеленые деревья
В сторону восхода солнца
Отчего же все склонились?» —
«Нет, — ответили, — и этого мы не знаем.
При отце твоем Барале
Все деревья так росли».
«Ну коль вы этого не знаете,
Скажите, нет ли где поблизости
Невесты-девушки для меня?
Мне теперь жениться надо».
Все тогда ответили: «Не знаем».
На черно-буром коне ездящий
Каралдай-Мёко говорит:
«Я, — говорит, — знаю!»
«Если знаешь, что ж не говоришь?» —
Алтын-Бизе обиделся.
«Да, знаю я!
У живущего на стомесячном расстоянии,
У ездящего на кроваво-рыжем коне
Солоны-хана дочь имеется», —
Каралдай-Мёко так рассказывает.
«Ну коль ты об этом знаешь,
Почему б за ней не съездить?» —
Алтын-Бизе его спрашивает.
Старый семиглавый Дьелбеген,
О том услышав, говорит:
«Зачем так далеко ездить?
И у меня три дочери-невесты есть.
А что если лучшую из них выберешь?

Одна из них — двухголовая,
Одна — трехголовая,
А у одной четыре головы...»
Услышав об этом, Каралдай-Мёко
К Дьелбегену поближе подошел,
Между семью головами
Богатырской ладонью ударил.
Семь голов Дьелбегена
В разные стороны разлетелись.
Выгребая лопатой,
Головы-туловище Дьелбегена
На улицу вынес, выбросил.
Говорит ему Алтын-Бизе:
«Ну, ездящий на черно-буром коне
Каралдай-Мёко,
В дальний путь ты отправляешься.
Поезжай домой,
Со старушкой немного поспи.
Через три дня
Назад ко мне возвращайся».
Старик Каралдай-Мёко
На черно-бурого коня сел.
Черно-бурый конь его
Бегун был быстрый.
Молодую траву не склоняя,
Зеленую траву в землю не втаптывая,
К жилищу своему, на юге
У подножия черной горы стоявшему,
Прибыл.
Навстречу старуха выходит.
«Что, — говорит, — видел-слышал, рассказывай.
Хоть и дитя—он наш повелитель,
Хоть и мал — он наш хан.
Что говорил он вам,
Что ты, съездив, услышал?» — говорит.
«Я должен поехать сватом.
Как пройдет три дня,
На расстоянии ста месяцев живущего
Хана Солоны дочь
Собираюсь ехать сватать», —
Каралдай-Мёко жене так ответил.
Услышав это, жена заругалась;
«Длинный хвост коровы
У тебя, — говорит, — вырос, оказывается,
Прямо на лбу бессовестном!

Не сдурел ли ты на старости?
Между двумя ханами
Падалью стать тебе захотелось ли?
Синее небо! Алтын-Бизе
Через тебя, старого черта,
Невесту себе хочет достать, что ли?
Такой смех не зря был», — сказав,
И тут же на месте, где стояла,
Колотить старика принялась.
Старик не обращает внимания,
Обозлившейся старухе говорит:
«Являясь сватом хана,
В другую землю если съезжу,
Разве я стану человеком недостойным?
Хорошее, — говорит, — это дело».
«Добрый молодец» Каралдай-Мёко
Три дня подряд пировал.
Через три дня
Старуха пришла, сказала:
«Хоть и дитя — твой повелитель,
«Хоть и мал — твой хан,—говорит, —
Наказ его не ломай.
Уж полных три дня минуло,
Назад,—говорит,—к нему поезжай.
Иль пока пировал-веселился,
Раздумал ты ехать?»
Услышав это, Каралдай-Мёко
Вскочил, на улицу выбежал,
Черно-бурого коня оседлал,
Из черного шелка шубу одел,
Сел на коня, в путь отправился.
К хану Алтын-Бизе явился.
Алтын-Бизе, его увидав:
«Ну, ты прибыл, чтобы поехать?!» —
Так, обрадовавшись, тут спрашивает.
«Да, явился, чтобы ехать!» —
Каралдай-Мёко ему говорит.
Мясо трех валухов
В одного валуха превратили,
Сто тажууров араки
В один тажуур вместили.
Разной пищи наготовив,
Переметные сумы наполнили.
Каралдая-Мёко в путь собирая,
Алтын-Бизе ему говорит:

«Ну, счастливого пути, — говорит, —
Когда выпьешь араки, ты буянишь,
Араки много не пей,
Лишних глупых слов не говори.
Как бересты слой
И как шелка шов,[7]
Желая стать родней,
Издалека, скажи, приехал.
Ездящему на кроваво-рыжем коне
Хану своему Алтын-Бизе
Невесту сватать приехал, скажи.
С умом-смекалкой говори.
Да еще небольшое одно дело,
Скажи, у меня есть.
Уж сколько лет тому назад
Потерялись семьдесят табунов лошадей,
Семьдесят дючинов народу.
Чтобы о них узнать,
Сюда, скажи, приехал.
С одной стороны, будь сватом,
С другой — лошадей, народ отыскивающим
Путником будь».
Выслушав его, Каралдай-Мёко
На черно-бурого коня сел,
В далекий путь отправился.
Черно-бурый конь его
Через горы высокие, перевалов не ища,
Через глубокие моря, переправ не зная,
Словно вихрь помчался.
Так продолжая путь,
На вершину черной горы поднялся.
Смотрит кругом и видит:
Посреди степи, которую глазом не окинешь,
Семидесятиствольный железный тополь стоит,
Каждый сук увешан мясом,
Красное от мяса дерево стоит.
Два брата — Ардын и Кардын —
Съездив на охоту,
Устроили там стан,
Мяса понавешали, оказывается.
Их увидав, Каралдай-Мёко
Спустился поспешно в долину,
Не останавливаясь у их стана,
Мимо поскакал.
Увидав его, Ардын и Кардын

В два голоса закричали:
«Почему не подъезжаешь к стану?
Остановившись здесь, покушав пищи,
Почему бы дальше не поехать?
Коль устал ты, утомился,
Почему б не отдохнуть, покушать мяса?»
«Нет, — говорит Каралдай-Мёко, —
Путника голодного, уставшего
Для вас здесь нет.
Предстоит мне путь далекий,
По делу большому я еду,
К Солоны-хану быстрее доехать
Я очень спешу.
Юному хану Алтын-Бизе
Невесту сватать я еду».
Смеяться над ним они стали:
«Между двух ханов
Стать падалью ты едешь.
Не быть тебе сватом!» — сказали.
И так надсмехаясь остались.
Продолжая путь, (Каралдай-Мёко)
На белую гору поднялся,
По ту сторону стал смотреть.
Люди, которые коней там пасут,
Все в шубах серебряных.
Люди, которые овец пасут,
Все в шубах золотых.
На расстоянии более ста месяцев
Бесчисленные стада имеющий,
Очень богатый и великий хан
Там живет.
(А коль народы грабил, пленил
И скот угонял,
Как не быть ему богатым).
Стоя на горе, Каралдай-Мёко
Все это высмотрел.
Натянув поводья черно-бурого коня,
Вниз под гору поехал.
Народ кругом объезжая,
К золотому дворцу поехал.
Лишь подъехал к коновязи,
В золотых шубах силачи,
В серебряных шубах богатыри
Коня принимать идут.
Каралдай-Мёко им говорит:

«Нет, ваших коней принимать я должен,
Моего коня не берите».
Сам, проворным показываясь,
С коня на землю спрыгнул,
К коновязи коня привязал.
К золотому дворцу направился,
Дверь золотую открыв, вошел.
В золотой дворец вошел и видит:
Жена хана Солоны
На девятирядном белом ковре,
Цветной шелк держа,
Сидит, шитьем занимается.
А сам Солоны-хан
На ложе спит.
Жена Солоны-хана спрашивает:
«Откуда и по какому делу приехал,
Кто ты, незнакомый человек?»
Каралдай-Мёко ей отвечает:
«В стороне восхода солнца
С крепостью — золотой горой,
В стороне захода солнца
С крепостью — черной горой,
Волнистое, бурное
Белое море имевшего
Барала жилище было.
Его потомком остался
Сын, Алтын-Бизе.
Чтоб сосватать для него невесту,
Я к вам приехал.
Как бересты слой,
Как шелка шов,
Родней стать приехал я».
Тут Солоны-хана жена встает,
Подойдя (к ложу), мужа будит:
«Ты бы хоть встал,
Хоть речь (незнакомого) послушал бы».
Слушая жену, Солоны-хан говорит:
«Если путник голоден с дороги —
Накорми ты его.
Если лошадь в пути устала,
Лошадь накорми.
Кажется, я еще не выспался,
Как следует (хорошо) посплю».
Сам продолжает лежать и спать.
(До сна ль ему! Не спит, конечно!).

Жена снова и снова будить стала:
«Что ты за человек, встань-поднимись,
С человеком побеседуй!»
Полежав, Солоны-хан
Руки-ноги с шумом растирая,
Кое-как поднялся.
Каралдай-Мёко с ним поздоровался,
Как сват, стал свататься.
Выслушав его, Солоны-хан говорит:
«Не та земля, где не отдают невесту,
За Алтын-Бизе дочь выдадим».
В золотом тажууре, в серебряном тажууре
Араку в руки принял.
Золотой стол поставили,
Разную вкусную пищу
На него понаставили.
Большого гостя, Каралдая-Мёко,
За стол усадили.
И вот пить араку начали.
Каралдай-Мёко говорит:
«У меня молодому своему хану Алтын-Бизе,
Невесту сватающего человека,
Попутно еще одно дело есть.
Уж сколько лет тому назад
Со стойбища отца его Барала
Семьдесят табунов коней пропало,
Семьдесят дючинов народу исчезло.
Об их судьбе узнать хочу я».
Услыхав об этом, (Солоны-хан) отказывается.
«Ни о чем таком не знаем мы,
Таких табунов не видали,
Не видали народа такого», — ответил.
Дальше пир продолжили,
Пировать еще больше стали.
Каралдай-Мёко араку пьет без отказа.
Стал сильно пьяным.
Опьянев, буянить начал:
«Что, к тебе собака зашла?
Иль человек к тебе вошел?
Ни во что (меня) не ставя, валялся.
Отчего же ты не вставал?
Рыжий конь хана моего Алтын-Бизе,
По сравнению с твоим, лучше,
Никакого изъяна не имеет.
Алтын-Бизе и сам-то создан

Молодцом, лучше тебя,
Недостатков не имеет!» —
Пьяный Каралдай-Мёко разбушевался.
В стойбище Солоны-хана
Неудержимый ни горой, ни водой
Тарданак-Мёко богатырь жил.
Тарданак-Мёко богатырь поспешно явился,
Разбушевавшемуся Каралдаю-Мёко
Руки-ноги скрутив,
В угол его положил,
Черным камнем величиною с дом придавил.
«Проспится — человеком станет», — сказал.
Каралдай-Мёко уснул...
Перед рассветом он забеспокоился.
«О боже мой! Яда-араки,
Кажется, выпил лишнего,
И что же я наговорил?» —
Приуныв, задумался.
С думой такой на улицу вышел.
Вышел и видит:
Черно-бурый конь его
До стремени землю прокопытил.
Лишь завидел Каралдая-Мёко,
Конь в лицо ему плюнул.
«Нет лица у тебя для стыда
И нет лба, чтоб покраснеть!
Хан твой Алтын-Бизе тебе
Что наказывал, сюда посылая?
Почему ты его ослушался?
Не наказывал ли он не говорить лишнего?
Скорее меня, — говорит, — отпусти.
Чумбур золотой обмотай на голову,
Золотой повод за луку седла заткни,
Я жизнь свою спасать должен.
Сейчас же они явятся,
Шею твою оторвут», — сказал,
Сам тут же заплакал.
Каралдай-Мёко чумбур вокруг головы обвернул,
Золотой повод за луку седла заткнул,
Черно-бурого коня отпустил.
Где конь стоял — там след остался,
Куда умчался — следа нет.
Обернувшись золотой звездой,
Под синими облаками,
Над белыми облаками **конь полетел.**

Когда Каралдай-Мёко во дворец хотел войти,
Распорядитель стойбища Солоны-хана,
Ездящий на железно-сером коне
Темир-Мёко богатырь (ему) встретился.
«А-аа,—говорит он, — молодчик-то этот что ли!»
Вошедшего, подойдя, ударил,
Голову ему отшиб.
Седая голова Каралдая-Мёко
По черной земле покатилась.
Солоны-хан, увидав это:
«Ну, — говорит, — с негодным мы расправились,
Семидесятиаршинную глубокую яму
Копайте, чтоб спрятать его».
После этого он на улицу вышел.
Вышел и видит:
Черно-бурого коня нет.
Неудержимый ни горой, ни водой Тарданак-Мёко
Вслед черно-бурому коню выстрелил,
Стрела задела лишь хвост и гриву.
Ездящий на железно-сером коне Темир-Мёко,
Вслед черно-бурому выстрелив,
Прострелил ему грудь.
Черно-бурый, продолжая путь,
К дому своему устремился.
Лишь добрался до (стойбища) хана Алтын-Бизе.
У коновязи упал.
Алтын-Бизе на ложе лежал,
Звон стремени услышал.
«О боже, что за стремя
Сбрякало вдруг здесь?» — сказал,
Вскочил и на улицу вышел.
Вышел и видит:
Черно-бурый конь, явившись,
Теперь лежит у коновязи.
Красное, как ягода, лицо Алтын-Бизе
Стало белым, словно береста.
«Негодяи! Каралдая-Мёко
Вы, — говорит, — уничтожили.»
Не находит места, чтобы успокоиться —
Страшно рассердился.
Лекарство, что утром положил, вечером снимая,
Лекарство, что вечером положил, утром снимая,
Черно-бурого коня оживил.
«Ну, — говорит, — что случилось?» —
У черно-бурого коня спросил.

«И послал же ты этого дурака
Дурак твой, туда приехав,
Пока хвастался и буянил,
Голову ему там отшибли».
Услыхав об этом, Алтын-Бизе
Кроваво-рыжего коня поймал,
Потник-седло набросив,
Тут же в путь собрался.
Защитные доспехи надевает,
Снаряжение прочное берет
В далекий путь отправляясь,
Черно-бурому коню говорит:
«Ты, черно-бурый конь,
На вершине золотой горы
Повкуснее траву ешь,
Из родника воду пей,
Хорошенько жирей (набирайся сил)».
Сам сильно был разгневан,
Безмерно обозлен, обижен.
На коня кроваво-рыжего сел,
В стойбище негодяев отправился.
С немногочисленным народом своим,
Шапку подняв, прощается, едет.
Малочисленный свой скот,
Кверху плеть подняв,
Плетью прощаясь, оставляет.
Направляясь на восток,
Переезжает высокие горы без перевалов,
Переезжает глубокие реки без переправ.
Молодую траву (копытами) не склоняющий,
Зеленую траву в землю не втаптывающий
Кроваво-рыжий мчится конь.
Алтын-Бизе, на шооре[8] большим пальцем играя,
Губами (шевеля), песни поет.
Так он ехал.
Его путь черная гора преградила.
На вершину черной горы поднявшись,
По ту сторону ее смотрит и видит:
Посреди мягкой, как хлопок, степи,
Которую глазом не окинешь,
На бело-сером коне,
То исчезая, то появляясь из-за луки седла,
Что-то непонятное едет.
«Это что же такое?» — подумав,
Черный песок сгребая,

С черной горы спустился.
«Дядя! Дядя!» — крича, руками размахивая,
Ребенок ему навстречу едет.
«О, боже мой! У старого моего отца,
У ласковой моей старой матери,
Выходит, и дочь была,
Коль дядей меня называет он».
Подъехав друг к другу, здороваются,
Здороваясь, знакомятся.
Впервые встретившийся ребенок
У Алтын-Бизе спрашивает:
«Куда ты, дядя, едешь?» — говорит.
«Путь мой далек, дитя,
Но хорошо, что ты встретился!
По пути, которым я ехал,
Езжай ты в мое стойбище.
Пока я приеду, там живи», —
Алтын-Бизе говорит ребенку.
«Нет, дядя, нет! — дитя не соглашается. —
В края далекие, куда едешь ты,
Вместе, — говорит, — я поеду».
Тогда Алтын-Бизе говорит:
«Э-э, дитя, ты еще мал,
Не окрепли твои хрящики,
Возмужания ты не достиг.
За конем моим твой конь не угонится,
Со мной ты, человек малый,
Сможешь ли наравне ехать?
С места, где мы стоим,
Ты поезжай в мое стойбище», — сказал.
«Не-ет, ни за что я не отстану,
И только с тобой поеду», —
Малый так упирается.
За таким поведением ребенка,
Голову набок склонив, наблюдая,
Речи его слушая,
Хотя с большой неохотой,
Алтын-Бизе ему сказал:
«Ну что ж, поедем вместе,
Что поделаешь с тобой?»
Теперь дядя и племянник —
Алтын-Бизе и Алтын-Эргек —
Сев на лошадей, в путь двинулись.
(Имя ребенка было Алтын-Эргек, оказывается).
Когда кроваво-рыжий конь Алтын-Бизе

Пойдет иноходью —
Рысью мчится конь ребенка;
Когда чуть-немного рысью тронет —
Галопом скачет его конь.
Бело-серый конь его
Скачет, от пота взмокнув.
Алтын-Бизе, это видя,
Удивляясь и огорчаясь, говорит:
«О несчастье, что за плохая
Поездка выпала мне на долю!»
И, несмотря на это,
Из виду дядю не теряя,
Дитя не отстает, вслед едет.
К алтаю[9] хана Солоны
Приблизились, подъехали.
Во владениях Солоны-хана
Стоявшую белую гору увидели.
Перед белой горой
Мягкая, как хлопок, степь,
Которую глазом не окинешь,
Раскинулась без конца и края.
Посреди степи, мягкой, как хлопок,
Железный семидесятиствольный тополь
Стоит, раскинув ветви во все стороны.
На лунной стороне рассыпал листья золотые,
На солнечной стороне серебряные листья
рассыпал.
К железному семидесятиствольному тополю
Подъехав, Алтын-Бизе остановился.
Ребенок тоже спешился.
Только сошел (Алтын-Бизе) с коня,
Быстро расседлал его,
На землю седло положил —
Достающей до неба, с седловиной
Золотой горой оно стало.
Белую стальную саблю, острую, как алмаз,
Около нее воткнул —
Скалой острой она стала.
Стальное черное копье
Взял и тоже воткнул —
Высокая скала возникла.
Сдернул он чепрак
И на степь, которую глазом не окинешь,
Его бросил —
Превратившись в бездонное черное озеро,

Степь закипела.
После того расстелил потник —
Волнистое, бурное
Белое море раскинулось.
Разной рыбы,
Разных птиц,
Разного зверья
Полно там стало.
Из кармана белый платок
Алтын-Бизе выдернул,
Туда-сюда помахал,
У подножия седловатой золотой горы
Его расстелил.
Семидесятистенный,
Шестидесятивосьмиуглый
Золотой дворец возник.
Наблюдая за этим, мальчик
Копье свое взял и воткнул —
Копье копьем и осталось.
Взяв саблю, воткнул —
Сабля саблею осталась.
Седло, принеся, кинул —
Седло осталось седлом.
«Почему же это так?—дивится мальчик.—
У дяди получилось,
А у меня нет?»
Алтын-Эргек в недоуменьи
Спросил у дяди Алтын-Бизе:
«Почему же это так?» —
«Э-э, дитя мое,
Ведь ты еще мал.
Не окрепли твои хрящики,
Возмужалости еще не достиг.
Ты посмотри на меня —
Я же большой уже!»
Кроваво-рыжего коня подведя (к тополю),
Алтын-Бизе его привязал на коротком поводу.
Алтын-Эргек своего бело-серого
Рядом с кроваво-рыжим привязал.
«Ну, детка, ты теперь,
Пойди на гору, будешь зайцев ловить.
Пойди к морю, будешь рыбу приносить.
В этом море много рыбы —
Разве ты не видишь, детка?
Внутренности рыбы вычищая,

Не дав снаружи подгореть,
На вертеле изжарив, кормить меня будешь.
В глубине дворца золотого
Тебя я буду поджидать», —
Алтын-Бизе так сказал ребенку.
Мальчику деваться некуда,
Алтын-Бизе нельзя ослушаться!
Охотясь, он зайцев убивает,
К морю пойдет — рыбу ловит,
Жарит ее без подпалины,
Своего дядю кормит.
Все бегом исполняет.
В один день Солоны-хановы
Пастух коней и пастух овец,
Поднявшись на вершину белой горы,
Оба смотрят и видят:
Неизвестно откуда дворец появился,
Неизвестно откуда возникло море,
Неизвестно откуда гора появилась.
А разноцветные камни
До самого неба выросли.
Все это рассмотрев,
Пастух коней и пастух овец
Друг другу так сказали:
«Надо поехать и сказать Солоны-хану,
Что это за невидаль такая,
Пусть сам приедет, посмотрит».
Прибыв, говорят Солоны-хану:
«Возник такой-то, такой-то дворец,
Вот то-то и то-то происходит.
Рядом с кроваво-рыжим конем
Бело-серый конь стоит...»
Солоны-хан, услышав это,
Испугавшись, говорит:
«Ну, видно, молодец прибыл!»
Неудержимого ни горой, ни водой
Силача Тарданака, силача Темира,
С ними вместе трех мудрецов
Солоны-хан к себе вызвав,
Им так говорит:
«Лишнего шуму не делайте,
С кем попало не разговаривайте.
Что это за богатырь —
Съездите и посмотрите, разузнайте».
Тогда они собрались,

К Алтын-Бизе поехали.
А племянник
Оказался очень проворным.
Лишь подъехали пять человек,
У пятерых коней принял, привязал,
Самих их, под руки ссадив,
В золотой дворец вводит.
В это время неизвестно откуда
Какая-то старушка появилась.
До чего ж проворна эта бабушка!
Золотой стол выдвигает,
Разную вкусную пищу кладет.
Передние зубы (ее) повыпали,
Коренные зубы поискрошились.
Тут ее с любопытством
Они разглядывают:
«Что же это за старушка?
Уж слишком она стара.
(Это каурый летающий конь,
Второй конь Алтын-Бизе,
Превратившись в старушку, явился.
До этого, не отставая, невидимым
Вместе с Алтын-Бизе следовал.
Быть богатырю советчиком
Небесный бог его создал).
Алтын-Бизе, все слыша,
На золотом ложе лежит.
Укрывшись горностаевой шубою,
Лежит, к стене отвернувшись.
Храпит, (как будто) спит.
Вошедших в золотой дворец,
Прибывших тех пятерых витязей
Алтын-Эргек и старая бабушка
К золотому столу подводят, усаживают.
Старушка готовит кушанья,
Мальчик араку из золотого тажуура
И из серебряного тажуура
Разливая, по кругу подает.
Алтын-Бизе не шелохнется,
На золотом ложе спит.
Три мудреца видят:
«Богатырь так богатырь,
Витязь так уж витязь!
Крови нет, чтоб, краснея, вытекла,
Души нет, чтоб он мог умереть» —

Три мудреца это видят.
Стала старушка будить его:
«Вставай же, вставай, Алтын-Бизе!
Незнакомые гости приехали.
Ты что же не разговариваешь,
Что с тобой — не беседуешь?»
Солоны-хан над Каралдаем-Мёко
Как издевался, лежа,
Так и Алтын-Бизе,
Издеваясь над ними, сказал:
«Если гости голодны,
Накорми ты их.
Я еще не проспался,
Немножечко посплю!»
«Вставай же, вставай!» — не давая покоя,
Бабушка будит его.
Руки-ноги шумно потирая,
Алтын-Бизе поднялся.
Со всеми приехавшими поздоровавшись,
К краю стола присел.
С ним вместе араку стал пить,
Вместе начал кушать.
Лишь завязалась беседа,
Гости (его) спрашивают.
«Из каких мест ты прибыл?» —
«Ездившего на тигрово-пестром коне
Старика Барала я сын.
На вершине золотой горы
В молочном озере я вырос,
Зовут меня Алтын-Бизе», —
Приезжим людям он так ответил.
И спрашивают они тогда:
«В какой алтай ты направляешься?
В какую землю едешь?»
Говорит им Алтын-Бизе:
«Мой путь не так уж далек.
Семьдесят табунов лошадей потерялось,
Семьдесят дючинов народу исчезло,
Отправившийся их судьбу узнать
На черно-буром коне ездящий мой посол
Каралдай-Мёко исчез.
Отыскивая их, по таким делам
Я,—говорит, — разъезжаю.
И если где у хана дочь-невеста встретится,
Жениться хотел бы я».

Выслушав его, спросили они:
«Ну а это что за бабушка будет?» —
«А не будь этой бабушки,
Как бы стал жить?
Когда я уезжаю —
Она пищу готовит.
Иль не видите вы эту пищу?
Ее я и кушаю». —
«А зачем тебе этот ребенок малый?»—
«Гм, а за конем кто доглядит?
Кто будет зайцев стрелять, приносить,
Чтобы кормить меня мясом?» —
Так Алтын-Бизе пояснил.
«А-а» говоря, они сидели.
«Домой ехать настало время», — сказали,
Пять богатырей разом поднялись,
Попрощавшись, уехали.
На вершину белой горы поднявшись,
Младший мудрец говорит:
«У бабушки, которая там была,
Что вы видели, силачи-витязи?» —
«Гм, бабушка как бабушка,
И ребенок как ребенок!
И сам хан-богатырь как богатырь!
Что еще могли мы увидеть?
А что же видел ты?» —
Остальные четверо (его) спросили.
Младший мудрец тогда сказал им:
«Нет, — говорит, — я видел:
Из-под штанины у бабушки
Лошадиный хвост торчал.» —
«Приехав к хану Солоны,
Еще скажи так!
Нас сколько человек —
Четверо — ничего не видели
И лишь твои глаза смогли увидеть.
Явившись к хану Солоны,
Попробуй наврать ты там!»—
Богатыри-витязи так ему погрозили.
Ведь одному, конечно, не поверят.
«Что ж, пусть будет по-вашему», —
Младший мудрец согласился.
К Солоны-хану прибыв,
Все говорят ему:
«Создан так уж создан!

Нет крови, чтобы, краснея, могла вытечь,
Души нет, чтоб он мог умереть,
Страшной силой богатырь обладает!» —
«Ну, значит, сам силач явился!» —
Солоны-хан, испугавшись, так сказал.
Войско в шестьдесят рядов с Алтая,
Войско в семьдесят рядов со своей земли
Он поспешно собрал.
Трех мудрецов,
На железно-сером коне ездящего Темира-Мёко,
Ни горой, ни водой неудержимого
Тарданака-Мёко
Во главе войска поставив,
Чтоб Алтын-Бизе уничтожить, отправил.
А та старая бабушка
На вершину белой горы взошла.
До половины белой горы поднявшееся
Войско увидела.
Желтый камень-точило[10] потерла,
Восьмигранной большой иглой ударила.
Оттуда-отсюда наплыли тучи,
Белый снег повалил беспрерывно,
До верхушек деревьев выпал.
Войско в семьдесят рядов с его земли,
Попав под снег, погибло.
Войско в шестьдесят рядов с его Алтая
До единого человека было уничтожено.
Неудержимый ни горой, ни водой Тарданак-Мёко,
Темир-Мёко и три мудреца,
Оттуда еле выбравшись, живы остались.
К Солоны-хану добравшись,
Они (ему) так говорят:
«До середины белой горы добрались,
Выпал глубокий белый снег —
Начисто уничтожил войско».
Вдруг одна высокая старушка
Откуда-то вышла.
«Что это,—говорит, — за новости?
Подожди, пойду-ка я туда, узнаю».
Берестяную лодку свою взяла,
В глубокое море прыгнула.
А бабушка Алтын-Бизе
О ее приближении узнала,
На вершину белой горы взойдя,
Крутящийся ветер напустила.

Глубокое море заморозив,
Берестяную лодку посредине его
Торчком вморозила.
Старушка, поехавшая все узнать,
Ничего не увидев, в торчащей лодке
Посредине моря застряла.
Бабушка Алтын-Бизе,
Спустившись с вершины белой горы,
Пришла к Алтын-Бизе и говорит:
«Не всю ли жизнь здесь думаешь ты жить?
Почему б не посмотреть в лицо Солоны-хану?
Или, страшась, ты здесь живешь?
Уже настало наше время,
Сейчас же нужно отправляться.
Здесь лежать ты сколько можешь?» —
«И правда ведь так», — сказав,
Алтын-Бизе поспешно встал.
Встав, воткнутые доспехи
Все по одному собрал,
Жилище свое убрал.
Стал он коня седлать.
Мальчик тоже коня седлает.
«Жилище хана Солоны
Хочу, — говорит, — посмотреть».
Сев на коней, в путь двинулись.
Старушка тут же исчезла.
Алтын-Бизе вдвоем с племянником,
На вершину белой горы поднявшись,
На землю Солоны-хана смотрят:
О-о, народу там сколько!
Народу и белому скоту
Счета нет.
Кроваво-рыжий конь Солоны-хана
У железной семидесятиствольной коновязи
Стоит, нетерпеливо кружится.
Глаза его — как звезды,
Уши — словно ножницы.
«Должен быть, силен он!» —
Алтын-Бизе думает.
С белой горы спустились.
Проезжая посреди народа многочисленного,
Проезжая мимо белого скота,
К золотому дворцу направились.
В золотых шубах витязи,
В серебряных шубах богатыри

Лошадь принять хотели,
Алтын-Бизе им лошадь не дал.
«Сам я могу привязать», — сказав,
Слез с коня и сам привязал.
К золотому дворцу направился,
Золотого дворца дверь
Сам открыл и вошел.
Солоны-хан
У золотого стола сидит.
А его старушка (жена)
На девятирядном белом ковре сидит.
Тогда Алтын-Бизе
Подошел и сел у очага.
Они, (друг друга) приветствуя,
Имена друг друга спрашивают.
Затем Алтын-Бизе дочь хана Солоны
Начал сватать.
Тогда Солоны-хан
Алтын-Бизе говорит:
«Не спеши, давай немного выпьем
В шатру[11], карты поиграем, — говорит, —
А потом я решенье (свое) скажу».
Алтын-Бизе за стол усадив,
Шатру и карты разложил.
Араку из золотого тажуура
Наливает и подает.
Алтын-Бизе говорит:
«Еще одно дело попутно
Узнать поехал я.
Семьдесят табунов коней потерялось,
Семьдесят дючинов народу исчезло,
Семьдесят лет с тех пор минуло.
Поехавший их судьбу узнать
На черно-буром коне ездящий
Каралдай-Мёко богатырь исчез.
Чтобы их отыскать,
Приехал я».
Услышав это, Солоны-хан:
«О-о! — горестно сказал. —
Такой человек сюда
Совсем не приезжал,
Его мы не знаем».
Совершенное злодейство скрыл.
После этого Солоны-хан
Алтын-Бизе говорит:

«Ну, коль дочь мою
Намерен взять ты (в жены),
На расстоянии ста месяцев пути
На вершине железного
семидесятиствольного тополя
Белая — говорит — оброть висит.
Чей конь первым ее принесет—
Давай состязанье устроим».
Алтын-Бизе отвечает ему:
«Ну, давай!»
Солоны-хан, как только вышел,
Кроваво-рыжего коня отпустил.
Алтын-Бизе лишь вышел,
Своего кроваво-рыжего отпустил.
Конь хана Солоны
Где стоял—там след остался,
Куда умчался — неизвестно,
Полпути уж он промчался.
Кроваво-рыжий конь Алтын-Бизе
Далеко позади отстал.
Каурый конь, что был на небе,
Смотрит сверху и видит:
Кроваво-рыжий (конь) Алтын-Бизе
Догнать его уж не сможет,
Сил, чтоб взять белую оброть,
У кроваво-рыжего нет,
Конь хана Солоны
Оброть возьмет.
Тогда каурый конь,
В красную ленту превратившись,
К кроваво-рыжему спустился.
«Что ты за конь, кем ты создан?»—сказал.
Кроваво-рыжего схватив,
Сильно его встряхнул,
Превратив в сухой навоз, бросил.
Тут же сам встряхнулся,
В кроваво-рыжего коня обернулся,
Догонять коня Солоны-хана
Вслед за ним помчался.
Проходящего половину пути
Коня Солоны-хана нагнав,
Вперед его вырвался.
С вершины семидесятиствольного
Железного тополя, белую оброть взяв,
В обратный путь повернул.

Конь Солоны-хана,
Поравнявшись (при встрече) с ним,
Тут же назад повернул.
Конь Солоны-хана
Кроваво-рыжего не мог догнать,
Далеко позади отстал.
Конь Алтын-Бизе
Обогнав его, (вперед) помчался.
К изменившему свой облик кроваво-рыжему
Коню прибыл.
Прибыв, белую оброть отдавая:
«Ну, теперь быстрее мчись!»—сказал.
Сам превратился в красную ленту,
(Вверх) на небо поднялся.
Поднявшись с места, хан Солоны
С Алтын-Бизе на улицу вышел.
Вдвоем вышли и видят:
Кроваво-рыжий конь Алтын-Бизе
Белую оброть взяв,
К коновязи Солоны-хана прибыл.
От долгой стоянки
Пот его уж просох.
Конь хана Солоны,
Устав, шатаясь, к коновязи
Вот только что добрался.
Увидав это, хан Солоны
Говорит Алтын-Бизе:
«Ну, в одном состязании ты победил,
Давай еще мы раз поспорим.
Пусть твой и мой богатыри
На глазах у нас поборются.
Ведь ты с богатырем!»
«Пусть борются — отказа нет», —
Алтын-Бизе ему ответил.
И того ребенка, что был с ним вместе —
Племянника Алтын-Эргека —
Для борьбы он назначил.
Для борьбы с ним хан Солоны
Богатыря Темира пригласил.
(Жилище хана охраняющего,
Темир-Мёко богатыря
Младенец тот мог ли осилить?)
Темир-Мёко малого ребенка
Схватил и вверх поднял,
Руки-ноги его повисли,

К голубому небу его взметнул.
И тогда Алтын-Бизе
Сам поспешно выскочил (на улицу).
«Когда попьет воды с талканом[12],
Тогда дитя мое бывает сильным.
Не попив воды с талканом,
Этот ребенок вышел,» —
Алтын-Бизе так сказал.
Сказав так, он увидел,
Что ребенка на россыпь черной горы
(Темир-Мёко) уж приготовился бросить.
Алтын-Бизе тут подбежал,
Дитя за шиворот схватил,
Встряхнул и в Алтын-Бизе превратил,
Так ему сказал:
«Ты сейчас же отсюда иди,
С Солоны-ханом в шатру, карты играй».
И отправил его во дворец.
В Алтын-Эргека сам превратился,
На Темира-Мёко набросился.
У богатыря Темир-Мёко
Несгибаемые ребра изогнулись,
Неломающийся позвоночник надломился.
И, поборовшись так немного,
Ноги-руки раскинувшего (Темира-Мёко)
О верх черной горы
Он ударил.
Льющаяся кровь его морем стала,
Кости его и коня превратились в гору.
Увидев это, хан Солоны
Страшно разгневался,
Себя не помня, закричал:
«В состязании твой конь побеждает,
Мое жилище охранявшего богатыря
Твой же богатырь убивает!»—так сказав,
Превратившегося в Алтын-Бизе
Ребенка того так ударил,
Что голова его оторвалась.
Ребенок на тот свет отправился.
Темира-Мёко убив,
Алтын-Бизе вернулся,
В золотой дворец вошел.
Приходит — племянника голова
Совсем оторвана — так его ударили.
Алтын-Бизе к хану Солоны

Подошел, дрожа от злобы.
«Нет лица у тебя для стыда,
Лоб твой бессовестный!» — сказав,
Солоны-хана за косичку схватил[13].
Шестидесятивосьмистенный,
Семидесятивосьмиуглый
Золотой дворец сбоку разрушив,
Два богатыря на улицу выскочили.
То там, то тут им ударяя,
Солоны-хана убил.
В семидесятиаршинной глубине,
На дне темной ямы лежавшего
Каралдая-Мёко откопал, вытащил.
Мальчика — племянника Алтын-Эргека —
Алтын-Бизе оживил.
Поднявшись, Каралдай-Мёко,
Кругом посмотрев, говорит:
«О, боже мой!
Уж слишком я крепко и долго спал!
От крепкой араки (свалился),
Голова моя теперь болит...» — говорит.
Сам руки-ноги растирает.
Обжитое жилище (хана)
Вместе (они) ломать стали,
Древнее жилище хана
Разрушать стали.
Невесту — дочь хана Солоны —
Из дворца вывели.
Кроваво-рыжего коня
Алтын-Бизе другим седлом заседлал[14],
Дочь хана Солоны
Подвел и на него усадил.
Племяннику Алтын-Эргеку
Теперь он наказывает:
«Племянник мой, Алтын-Эргек,
В мое стойбище вместе поезжай,
И, охраняя сноху,
С ней, — говорит, — вместе будь,
Ездя ты на самых лучших конях,
Пищу лучшую ешь.
Ездящий на черно-буром коне Каралдай-Мёко,
Ты этот скот погонишь
И в стойбище мое доставишь».
С таким наказом их отправив,
Сам, гнутое седло

И потник, словно поле, широкий
Держа в руке, остался.
Все доспехи свои собрав,
На себя их взвалил
И к стойбищу семи Кюндуков отправился.
Теперь пешком он пошел.
(Ведь жену на своего коня посадив,
Домой отправил.
Лишь до хана Солоны
На том коне можно было ехать, оказывается.
До стойбища семи Кюндук-ханов
Кроваво-рыжий не в силах добраться.
Коль не мог за конем Солоны-хана угнаться,
Такой путь разве он осилит).
Богатырь Алтын-Бизе
Пошел теперь пешком.
Переходит горы-перевалы,
Через моря переправляется.
День и ночь идет.
До степи, которую глазом не окинешь, дошел,
Смотрит и видит:
Летающий каурый конь,
В красную ленту обернувшись,
Растянувшись, перед ним предстал.
«Что ж ты, — говорит, — делаешь парень?» —
«А что делаю, разве не видишь?
В землю семи Кюндук-ханов
Я иду».—
«А почему же идёшь пешком,
Почему коня ты отдал?» —
Спросил его каурый конь.
«А почему не ехать на тебе?
На тебе мне ехать нужно», —
Алтын-Бизе ему сказал.
«Нет, для езды тебе
Бог Юч-Курбустан меня не создавал.
Чтоб быть тебе советчиком,
Чтоб я тебе помогал —
Для того он меня создал».
«Не-ет, я оседлаю тебя!
Неужели я пешком
До семи Кюндук-ханов
Пойду, изнуряя ноги?»
Летающий каурый конь тогда говорит:
«Ну, на пути трехмесячном посостязаемся.

Если догонишь меня и поймаешь —
Буду тебе конем.
Ну, а если не сможешь догнать и поймать,
Тогда к семи Кюндук-ханам,
Две ноги оседлав,
Пешком доскачешь!»
Летающий каурый конь
В красную лисицу обернулся,
Рыская там и тут,
Вперед пустился.
Тогда Алтын-Бизе
В ласточку обернулся,
Глаз с лисицы не спуская,
Вслед за ней погнался.
Она бежит по земле,
Алтын-Бизе летит по небу.
Расстояние в месячный путь пролетел —
Красную лисицу догнать не смог.
Продолжая дальше путь,
Летающий каурый конь
В серого волка обернулся.
Видя это, Алтын-Бизе
В черного беркута обернулся
И устремился за ним.
Не догнал и в пути второго месяца.
Теперь одномесячный путь
Перед ним остался.
Летающий каурый конь
Обернулся в самца-медведя.
Увидавший это Алтын-Бизе
Превратился в птицу — орла.
Сильно разгневался,
Страшно рассердился.
На широкой его спине
Черный лес вырос,
Подобные звездам глаза
Красной кровью налились.
«Внутри у тебя — нечисть,
А снаружи — грубая шкура.
Коль меня ты так заставил бежать
И коль так измучил,
Теперь получишь свою долю!» — сказал.
На пути третьего месяца налетел,
когтями вцепился,
Каурого коня поймал.

Летающий каурый конь
Тут же встряхнулся,
В коня превратился.
Обессилевший Алтын-Бизе
Золотую узду на коня одевает,
Кладет широкий, словно поле, потник
И гнутым чугунным седлом
Коня своего седлает.
Тридцать девять подпруг
Все ровно подтягивает,
Три подфеи ровно заправляет,
Безмолвно все готовит.
Черную плеть с шипами острыми
На кисть руки повесил,
Ногу поставив на стремя летающего каурого,
Взобравшись на него, сел верхом.
Черной плетью с шипами острыми
Бедро коня рассек.
Но конь стоял, не двигался.
«Вот только что ты шустрым был,
Что же вдруг с тобой случилось?» — говоря,
Поводья золотой узды дергая,
Две щеки до самых ушей
Ему разорвал,
Плетью бедро рассек.
Летающий каурый конь (тогда) говорит:
«Богатырь мой, Алтын-Бизе,
Силачом-удальцом ты создан.
По земле такого тебя
Как могу возить?
Оглянись — посмотри-ка назад». —
«Что ж там случиться могло?» — подумав,
Алтын-Бизе назад оглянулся.
На месте, где четыре копыта стояли,
Четыре круглых озера возникли,
Словно чаши, кипят.
И тогда Алтын-Бизе
С коня на землю соскочил.
«А что случилось?» —
Коня каурого спросил.
«А когда ты, озлобившись, сел на меня,
Не в силах я был поднять тебя.
Везти сердитого тебя
У меня не хватило сил», —
Алтын-Бизе конь так сказал.

Тогда Алтын-Бизе говорит ему:
«Ты заставил меня много бежать.
Все доспехи на себя взвалив,
Пробежи-ка ты трехмесячный путь,
Да как тут не рассердиться?»
Лекарство, что утром положил, вечером снял,
Лекарство, что клал вечером,
Пред зарею снял.
И щеки, что разорвал удилами,
И рассеченные бедра (коня) —
Все залечил.
Удалой богатырь Алтын-Бизе
Выглядел, как прежде:
Глаза его подобны звездам,
Подобное ягоде лицо — бодрое.
Сел на летающего каурого коня,
Молодую траву не склоняя,
Зеленую траву не втаптывая (в землю),
Поехал рысью дальше.
По дороге к земле семи Кюндук-ханов
Едут.
На том пути, по которому ехали,
Стояла белая гора.
На вершину белой горы поднялись и видят:
Степь широкая, которую глазом не окинешь, —
Очень красивое место — раскинулась.
Смотрят и видят:
Один рыжий конь
К ним навстречу приближается,
Очень красив был этот конь.
«О-о, для езды на охоту подходящий,
Очень красивый конь оказывается.
А что, если поймать его?» —
Алтын-Бизе радостно воскликнул.
Свитый из цветного с узором шелка
Аркан в девяносто сажен
От торок отвязал.
Отвязав, помчался.
На рыжего коня аркан с петлей бросив,
За тонкую шею его поймал!
Когда петля была на шее,
Конь в зеленую ящерицу обернулся,
Ползком прополз
И из петли аркана выбрался.
«О, чудо!

Внутри — навоз, снаружи — шкура,
Даже и ты оборотень!
Коль из петли девяностоаршинного аркана
Выползти ты смог,
От острой стрелы
Лука моего с семьюдесятью зарубками[15]
Уйдешь ли ты — я посмотрю.
Ведь грудь твою я насквозь прострелю.» —
Со спины лук берет.
Тогда встретившийся тот конь
Алтын-Бизе кричит:
«Ты, в путь отправившийся человек,
Если жаждой томим и голоден,
На меня хоть чуть-чуть посмотри!» —
«Зачем на тебя смотреть?» —
Алтын-Бизе у коня спросил.
«Ну посмотри же хоть немного!» —
Рыжий конь просил.
И лишь встряхнулся он на месте, где стоял,
Мягкая, как хлопок степь,
которую глазом не окинешь,
Заполнилась народом и скотом.
Сам же боком к нему стал
И сказал:
«Коль этого белого скота и народа
Тебе не жаль,
Меня уж лучше одного
Застрели и ешь — твоя воля!» —
«Это что за чудо?» —
Алтын-Бизе пришел в удивление.
Тогда рыжий конь
Кричит ему опять:
«Ты откуда прибыл, что за человек?»
Алтын-Бизе ему отвечает:
«В бурливом, волнистом
Белом море водопой имевшего,
В стороне восхода солнца
Золотом отливающуюся
Золотую гору — крепость имевшего,
На тигрово-пестром коне ездившего
Старика Барала
Единственный я сын, — говорит. —
Выросший на вершине золотой горы
Алтын-Бизе я буду». —
«Ну, тогда ты

Иди сюда — поговорим,» —
Рыжий конь сказал.
Алтын-Бизе подъехал.
А когда спешился он,
Попросил его конь:
«Ну, снова расскажи-ка все.» —
«Имевшего тигрово-пестрого коня
Барала-старика
Единственный я сын.
На вершине золотой горы,
У подножия двух одиноких деревьев,
На дне круглого озера
Выросший я человек,»— (Алтын-Бизе) ответил.
«Ну, коль так, раздевайся,
Защитную кожанку снимай,
Между лопаток твоих
Сделав копытом пометку,
Тебя я тогда оставил.
Коль та пометка есть у тебя,
Поверю, что ты, правда,
Сын старика Барала», —
Рыжий конь так сказал.
Тогда Алтын-Бизе,
Доспехи, одежду сняв,
Обнажился.
Между двух лопаток его
Копытом сделанную пометку
Рыжий конь увидал.
Теперь они познакомились,
Руки на плечо положив,
Оба вместе заплакали.
(То рыжий жеребец с семью клыками
Домой, оказывается, возвращался).
И тут рыжий жеребец
Просит, умоляет:
«Семь Кюндук-ханов
Чрезмерно злы, коварны,
Они тебя убьют.
Неумиравший ты умрешь,
Неуходивший — уйдешь». —
«Разве конь золотой, чтобы не умирать,
Разве мужчина вечный, чтобы не уходить?
Пока не доберусь до семи Кюндук-ханов,
Ни за что не остановлюсь, — говорит. —
Пока тех негодяев не увижу —

Не остановлюсь», — говорит Алтын-Бизе.
«На земле семьдесят ханов,
На Алтае шестьдесят ханов —
Разве у них невесты нет, — говорит
Рыжий жеребец с семью клыками. —
Невеста найдется — не езди туда!
(Алтын-Бизе, наверное, невесту ищет —
Так подумал рыжий жеребец).
У семи Кюндук-ханов
Сестра (младшая) имеется.
Есть сваты — шесть Сабаров.
Зять Алтын-Буудук
Младшим братом им доводится.
В течение шести-семи лет
Эти люди сватаются,
Пьют араку,
Угощаются пищей.
На земле семи Кюндук-ханов
Семьдесят лет я прожил —
Души их не обнаружил[16],
Семьдесят лет прожив, теперь,
Не утеряв ни одного ребенка,
Не утеряв ни одного жеребенка,
Всех их вырастил,
На хвост и гриву нацепив,
Домой, — говорит, — теперь иду». —
«Ну, коль ты прибудешь домой,
Жив ты будешь, умрешь ли —
Откуда я знать смогу?
И о смерти моей
Ты знать не будешь», —
Алтын-Бизе так сказал коню.
Стрелу одну взяв, дал ему.
«Если погибну я,
Эта моя стрела
Ржавчиной покроется».
Тогда рыжий жеребец с семью клыками
Волосинку одну из хвоста выдергивает,
Подавая Алтын-Бизе, говорит:
«Если я умру,
Этот волос мой
Сгниет совсем.
Отсюда ты и узнаешь о моей смерти».
Так двоем они договорились.
Жеребец с семью клыками,

Попрощавшись,
В свою землю отправился,
Продолжая путь, помчался.
Алтын-Бизе сам
В стойбище семи Кюндук-ханов
Дальше отправился.
Когда прибыл к их стойбищу,
Летающий каурый конь,
Передние ноги от земли не оторвал,
Задние ноги не поднял,
На одном месте стал.
Тогда Алтын-Бизе
У каурого коня спрашивает:
«Что (ты) предчувствуешь,
Что узнал ты?» — говорит.
Отвечает ему каурый:
«Подожди, меня послушай,
В стойбище семи Кюндук-ханов
Прямо не являйся.
Я отправлюсь, жилище их
Хорошенько посмотрю, проверю.
А ты сестры их
Отыщи жилище,
С ней повстречайся.
От нее нам, пожалуй,
Какая-нибудь помощь будет.
Иначе дело (наше) плохо,
У семи Кюндук-ханов
Хоть ты всю жизнь просиди,
Они тебе слова не скажут».
Так договорившись,
Алтын-Бизе спешился,
Летающего каурого коня отпустил.
Сам превратился в ласточку,
Между синих облаков,
Над белыми облаками
Взлетел.
Земли семи Кюндук-ханов
Достигнув, искать стал.
У подножия черной горы
Чугунный черный дворец стоит.
Все кругом под караулом.
У двери медведь-самец лежит.
Сестра семи Кюндуков
Находится в чугунном черном дворце,оказывается.

Летая вокруг дворца,
Чтобы войти, не нашел входа.
К дымоходу чугунного черного дворца
Подлетел и видит:
Сидят два серых беркута.
Влететь никак нельзя.
Тогда он их
Выжидать-караулить стал.
Они, задремав, уснули.
Тут Алтын-Бизе,
В красную ленту превратившись,
Между ними проскользнул.
Во дворец проникнув,
В красную лисицу превратился
И ползать там стал.
Увидав лисицу, девушка Аян-Ару говорит:
«Не знавшей отрады мне утешенье нашлось,
Не знавшей игры мне забава нашлась».
Ползающую лисицу
Она захотела поймать.
То там, то тут прижимает, ловит,
Поймать ее никак не может.
Пока так она ловила,
Лисица та встряхнулась,
В Алтын-Бизе превратилась,
За правую руку (ее) взял.
Аян-Ару говорит ему:
«Что с тобой случилось?
С тех пор, как тебя поджидаю,
Семь лет уже прошло.
Теперь меня сватают.
Семь моих старших братьев
Очень злобны, коварны.
Если ты сам
Так пойдешь свататься,
На тебя даже искоса
Ни один из них не посмотрит». —
«Какой выход найти?» — так рассуждая,
Они теперь сидели.
(Аян-Ару) разную еду сварила,
Вкусную пищу поставила.
Угощаясь, разговаривая,
Вдвоем они сидят.
«Подожди-ка, выход есть.
Одну вещь,—говорит, — я дам тебе.

Сшитые для Алтын-Буудука
Имеются золотой камзол
И черная бобровая шапка.
Из черной шкуры сшитая
Есть обувь черная.
Я на тебя
Всю эту одежду одену.
На правую руку
Золотое колечко дам.
Все это среди людей
Узнать может лишь младшего брата жена.
Сшившая их сноха моя младшая
Всегда очень наблюдательна.
Через эту одежду
Что-нибудь у тебя получится», — сказала.
Тогда Алтын-Бизе
Поспешно разделся.
Данные девушкой-невестой Аян-Ару
Золотой камзол-шубу одел,
Одел черную бобровую шапку.
Черную обувь,
Притопывая, обул,
Золотое колечко надел на руку.
Немного посидели, побеседовали.
Алтын-Бизе невесте-девушке Аян-Ару сказал:
«Ну, довольно, я пойду».
За правую руку взял,
Поцеловал в правую щеку,
За левую руку взял,
Поцеловал в левую щеку.
«Ну, что ж поделаешь,
Если не умрем, то встретимся.
Умрем — пусть будет так», — говоря,
Алтын-Бизе вмиг
В красную ленту превратился,
Через дымоход выбравшись,
Из дворца чугунного удалился.
Ни мало-ни много прошел —
Летающий каурый конь встретился,
Сказал, к Алтын-Бизе приблизившись:
«Ну, стойбище все я проверил,
Узнать ничего не узнал».
(Искал он души ханов).
Вдвоем теперь в путь двинулись.
Не сходя с дороги, прямо

К принадлежащему семи ханам Кюндукам
Семидесятисемиуглому,
Шестидесятивосьмистенному
Золотому дворцу направились.
К коновязи лишь приблизились,
В серебряных шубах богатыри,
В золотых шубах витязи:
«Едет незнакомый человек», — говоря,
Подходят, чтоб коня принять.
Алтын-Бизе коня им не дал.
«Сам я привяжу, — сказал. —
Не для того приехал,
чтоб коня моего привязывали.
Словно бересты слой,
Словно шелка шов,
Родней я стать хочу,
Людям коня привязывать не дам».
Сам коня привязал.
Золотой тажуур с аракой,
Серебряный тажуур с аракой
В руки взял,
К дворцу золотому направился,
(Дверь) золотого дворца открыл и вошел.
И когда он, дверь открыв, вошел,
Жены семи Кюндук-ханов
На женской половине
На ковре сидели,
Шитьем цветного шелка были заняты.
Семь Кюндук-ханов,
Шесть Сабаров и Алтын-Буудук
На стол вкусной пищи понаставили, оказывается,
Араку из золотых и серебряных тажууров,
Подавая по кругу, пьют.
«Здравствуйте!» — сказал Алтын-Бизе.
В сторону его они не взглянули,
В ответ ни звука не издали.
Он тогда к их женам обращается.
С семью колечками медную трубку
Из-за голенища достал,
Табаком наполнив, прикурил,
Старшей жене (Кюндуков) подал.
Покуривая, разговаривая,
Такую беседу ведут:
«С умом и взглядом лучистым
Откуда юноша ты прибыл?» — сказали.

Алтын-Бизе им отвечает:
«На расстоянии ста месяцев,
В волнистом, бурливом
Белом море водопой имевшего,
В стороне восхода солнца
С крепостью — золотой горой,
В стороне заката солнца
С крепостью — черной горой,
На тигрово-пестром коне ездившего
Барала-старика я сын».
(Он (одним) женам ханов рассказывает.)
Перед семью Кюндук-ханами,
Подойдя, колени преклоняет,
С ними разговор заводит,
Но они не хотят и слушать,
И даже не смотрят.
Тогда сватать невесту
Идет он снова к их женам.
Младшего Кюндука жена
На него глядит и видит:
Золотая шуба, что сшита ею,
На нем одета,
Из черного бобра шапка
На нем надета,
Обувь черная
Тоже обута им.
А золотое колечко
На его руке.
(То для Алтын-Буудука
При выдаче невесты
Приготовлено все было).
Тогда она,
Всего его разглядев,
Своего мужа —
Младшего Кюндук-хана —
Вызвав на улицу, сказала:
«А невеста наша
Уже, — говорит, — дала согласие.
Сшитый для Алтын-Буудука
Золотой камзол,
Черная бобровая шапка
На нем одеты.
Все, оказывается, он взял.
Араку его, — говорит, — пейте[17],
Что дальше делать — знайте сами».

Тогда младший Кюндук-хан,
С улицы войдя,
Говорит шестерым братьям:
«Девушка-невеста Аян-Ару
Согласие свое уже дала, оказывается.
Как найти выход?»
(О том, что это сын Барала-старика,
Разве они не знали?!).
И когда (он) снова,
К ним подойдя,
На колени встал,
Тажуур они приняли,
За стол вместе усадили.
«Что ж, Алтын-Бизе отдаем невесту,
Пусть выкуп платит» — говоря так,
Араку его пить стали.
Шатру, карты разложив,
Вместе играть начали.
Араку они пили-пили,
Алтын-Бизе опьянел безмерно.
А когда он так опьянел,
Себе они налили простую араку,
А Алтын-Бизе
Семьдесят лет квашеного яда,
Большую чашку наполнив,
Поднесли, в руки подали.
Взял он (чашку) в руки
И тут же выпил.
(Видно, что жаден до вина).
Как выпил, тут же
Рассудка лишился.
Как ветер,
Поспешно на улицу выбежал.
(Как рассудка не лишиться,
Коль выпил крепкий яд!)
К каурому коню подбежал,
Через седло перевесился.
Перевесившись, отпустил коня.
Летающий каурый конь,
Взвалив на себя Алтын-Бизе,
Тут же помчался.
Семь Кюндук-ханов
На семь серых коней сели,
Шесть Сабаров, Алтын-Буудук
На семь рыжих коней сели,

Вслед (за ним) погнались.
Алтай кругом проскакали,
Землю кругом обогнули.
Начнет Алтын-Бизе падать назад —
Конь хвостом поддерживает,
Начнет падать вперед —
Тридцатьюдевятью прядями гривы
Каурый конь придерживает.
И не в силах уже больше его носить
На черную гору (каурый) поднялся,
Черную россыпь копытом разгреб,
Алтын-Бизе туда свалил.
То место, куда, свалив, положил,
Черной россыпью сверху засыпал.
Каурый конь дальше
Один-одинешенек помчался.
Но и тут (враги) не отстают!
«Хотя коня Алтын-Бизе
Поймаем, — сказали, — и то дело».
Погнались, что было силы.
Растерявшись, не зная, что делать,
К семи отверстиям в подземелье
Каурый конь примчался,
Вниз туда прыгнул.
И когда он прыгнул туда,
В подземелье упав,
Девяти шулмусам[18] попался.
«Живший на солнечной земле
Конь человека-богатыря
Должен быть очень сильный.
Коль поймали мы его,
Будем в плуг запрягать,
Пашню пахать», — сказали.
Принялись пашню пахать.
И пока, не щадя его, пашню пахали,
Не осталось мяса на макушке,
Конь в скелет превратился.
И только тогда,
Из рук девяти шулмусов вырвавшись,
Из подземелья с семью отверстиями
Каурый конь выскочил.
Из родника воды попил,
Повкуснее травы поел,
Немного насытился.
По направлению черной горы

Поспешно помчался,
На вершину черной горы поднялся.
Поднялся и видит:
Алтын-Бизе только что опомнился,
Поднимается.
Место, где он захоронен был —
Черная россыпь черной горы —
Камни и лес — все
Горит, пылает пламенем.
Каурый конь подбежал,
Алтын-Бизе за шиворот схватил —
В черное море бросил.
В черное море он упал —
Море заклокотало,
Словно казан[19] на огне, закипело.
Затем таском его выволок,
В белое море бросил.
Покувыркавшись там
И воды той попив,
Алтын-Бизе в себя пришел.
На летающего каурого коня сел,
Никуда не сворачивая, (прямо)
К семи Кюндук-ханам
В стойбище поехал.
(До чего же он упрям!
Не ехать к ним, бежать бы надо,
А он, упрямясь, едет).
Галопом (до них) доскакал.
Семь Кюндук-ханов,
Их сваты шесть Сабаров,
Зять Алтын-Буудук, выскочив,
Четырнадцать человек на одного (человека)
Одновременно бросились.
А четырнадцать коней
На одного коня наскочили.
Взяться (за себя) не позволили,
Схватиться не дали,
Алтын-Бизе и летающего каурого коня убили.
(Один человек с четырнадцатью богатырями
Как мог справиться?).
Алтын-Бизе копьем колют —
Копье, не втыкаясь, ломается.
Из лука стреляют —
Стрела не втыкается.
Руки вытягивают —

Руки не отрываются.
Ноги выдергивают —
Ноги не отрываются.
«Нет, его, даже убив,
Душу уничтожить невозможно.
Сжечь его надо», — сказали.
Семьдесят семь мастеров собрали,
На горе сухих дров набрав,
Принесли, в кучу сложили,
Алтын-Бизе и летающего каурого коня положив,
Семьдесят семь мастеров,
Горнами огонь раздували, жечь стали.
Алтын-Бизе в золотой камень превратился,
Каурый летающий конь
Превратился в серебряный камень.
«Плохому и смерть плоха.
В бездонное черное море
Отнести и сбросить их надо», — сказали.
Покатили их,
В бездонное черное море сбросили.
«Теперь погибли», — говоря,
Снова пировать они начали...
На его земле-стойбище
Рыжий жеребец с семью клыками
Взглянул на стрелу Алтын-Бизе —
Она поржавела дочерна, оказывается.
«Видно, — говорит, — погиб Алтын-Бизе.
Старику Баралу, ездившему на тигрово-пестром коне,
Для того ль был создан единственный сын,
Чтоб от руки семи Кюндук-ханов погибнуть?
Так он был Юч-Курбустаном[20] сотворен что ли?
Зачем он был создан — отправлюсь, узнаю».
Рыжий жеребец с семью клыками
На небо поднялся.
К создателю Юч-Курбустану явившись,
Спросил его:
«Ведь я создал его бессмертным,
Как мог он умереть?» —
Сказал жеребцу Юч-Курбустан.
«А где ж тогда его душа?» —
Спросил рыжий жеребец.
Юч-Курбустан ему говорит:
«На берегу вспять текущего
Волнистого, бурного
Белого моря

Есть железный семидесятиствольный тополь.
Внутри того железного тополя
Два бобренка есть.
Душа летающего каурого,
Душа Алтын-Бизе — они и есть».
Рыжий жеребец с семью клыками,
Домой в стойбище прискакав,
Каралдаю-Мёко,
Племяннику Алтын-Эргеку рассказал.
Прихватив пилу-топор,
Железный семидесятиствольный тополь
С ними вместе под корень спилил.
Лишь раскололи тополь пополам,
Два бобренка выскочили.
Рыжий жеребец с семью клыками
По одному бобренку обоих
Себе в две ноздри запихнул,
В стойбище семи Кюндук-ханов,
Чтоб отнести их помчался.
Так мчался, мчался,
Достиг земли семи Кюндук-ханов.
Примчавшись к бездонному черному морю,
Голову склонив, смотреть в него стал.
Всмотрелся и видит:
Их останки, словно свечи,
Светятся в воде.
Не найдя другого выхода,
В хариуса с черенок топора обернувшись,
В воду прыгнул.
Слуга-водоносец (семи Кюндуков)
Рыбу ту увидал.
Одно ведро дополна зачерпнул,
Другое — лишь наполовину.
Запыхавшись, прибежал домой,
Семи Кюндук-ханам сказал:
«В бездонном черном море
Неведомую вот такую рыбу я видел!»
«Что это за рыба такая,
Пойдем-ка посмотрим ее», — они сказали.
Семь одинаковых Кюндук-ханов,
Сваты — шесть Сабаров,
Зять Алтын-Буудук
И прибывший просто на свадьбу Бус-хан
Отправились вместе.
Чтобы осмотреть черное море,

Пятнадцать человек на берег явились.
«Что за новая рыба там появилась?» — так рассуждая,
Подойдя, они смотрят.
Рыжий жеребец с семью клыками,
Чтоб незамеченным быть,
В зеленую ящерицу превратился.
Прополз между камышами,
У ног Бус-хана притаился.
Они мудрят-гадают старательно,
В воду смотрят внимательно.
Тогда тот Бус-хан
Камышом ящерицу прикрывает.
«Ладно, ничего-то здесь и нет,
Глазу человека не попадающаяся
Какая рыба быть может?» —
Бус-хан остальным говорит.
(Добрый он, видно, был).
Бус-хана послушались,
Все они назад возвратились,
Придя во дворец, араку пить стали,
Шатру, карты разложив,
Снова играть принялись.
Рыжий жеребец с семью клыками
В бездонное черное море прыгнул,
Алтын-Бизе оттуда вынес.
После этого, под воду спустившись,
Достал летающего каурого коня,
На песок (их) положил.
Но как их теперь оживить —
Он совсем позабыл!
Тут ноздри его зазудились —
Фыркнул рыжий жеребец.
Из двух его ноздрей
Два бобренка выскочили.
Одного бобренка взяв,
В рот Алтын-Бизе положил,
Трижды крикнув, Алтын-Бизе
Встал таким, каким он прежде был.
А второго бобренка
Положил он в рот летающему кауром.
Летающий каурый конь, ожив,
Заржав трижды, на ноги вскочил.
«Хотя я и умирал,
Но место душ собак подлых узнал.
Садись на рыжего жеребца с семью клыками,

Остальное знайте сами,
А я помчусь», — сказав им так,
Летающий каурый конь ускакал.
Где стоял — там след остался,
Куда умчался
— неизвестно.
На поиски душ семи Кюндук-ханов
Каурый конь отправился.
На рыжего жеребца с семью клыками
Алтын-Бизе сел,
С криком-шумом поскакал.
Семь одинаковых Кюндук-ханов,
Из дворца повыскочили,
Сваты — шесть Сабаров,
Зять Алтын-Буудук —
Всего четырнадцать человек —
На одного человека накинулись.
Все четырнадцать коней
На рыжего жеребца с семью клыками,
Галопом мчась, ринулись.
Проголодавшемуся без пищи
И горевшему в огне Алтын-Бизе
Пока руки-ноги вытягивали,
У семи одинаковых Кюндук-ханов
Руки-ноги вдруг ослабели,
Меньше стали витязя хватать,
Больше о землю стали опираться.
(Видно, каурый конь
Их души отыскал
И на месте, где нашел,
Слегка их зубами помял).
Алтын-Бизе они отпустили.
Алтын-Бизе отпустив,
Сами в тот же миг назад опрокинулись.
А с шестью Сабарами и делать нечего!
Шесть Сабаров и Алтын-Буудука
Алтын-Бизе за косы схватил,
Избив их, тут же убил.
Летающий каурый конь прискакал,
Борьбу-схватку снова учинили.
Души семи Кюндук-ханов,
Души семи бело-серых (коней),
Приблизившись к ним, разорвал,
Их уничтожил.
Теперь невесту Аян-Ару

Вывести нужно.
Сев на летающего каурого коня,
К стоявшему у подножия черной горы
Чугунному черному дворцу
Алтын-Бизе направился.
Приехав, Аян-Ару вывел,
Солово-серого коня, как ветер летающего.
Алтын-Бизе заседлал,
Аян-Ару на него посадил.
Постройки все разрушает,
С пастбищ скот угоняет.
Хранилища все открывает,
Домашний скот угоняет.
Несметное добро навьючив,
Собрались в путь, поехали.
Через высокие горы переваливают,
Через текущие реки переправляются,
К стойбищу все доставил.
Доставив, наказ дает:
«На богатые пастбища скот ставьте,
Там, где дрова есть, народ расселяйте.
С гору мяса нарубите,
С море араки наварите.
Будет свадьба для двух жен».
Тот пригнанный скот размещают,
Приведенный народ расселяют.
С гору мяса нарубают,
С море араки варят.
У дочери хана Солоны,
У младшей сестры семи Кюндук-ханов
Пояса с талии снимают,
Пять косичек расплетают.
В две косы их заплетают.
Девяносто дней была свадьба,
Шестьдесят дней шел пир.
Попраздновав, повеселившись,
Спокойно, мирно стали жить.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Сказание «Алтын-Бизе» записано от сказительницы Е. К. Таштамышевой в 1960 году С. Суразаковым на магнитофон. Диалект сказительницы—туба, но смешанный с алтайским. Ниже даем пояснения национальных слов и выражений, сохраненных в переводе.

1. Первоначально, по-видимому, говорилось не о заячьей, а о петле, которая специально ставилась на марала.

2. Тепши — деревянное корытце для мяса.

3. Араки — вино из молока.

4. Тажуур — кожаный сосуд для араки.

5. Дючин — административная единица.

6. Дьелбеген — чудовище. Постоянный персонаж эпоса. Иногда живет среди людей.

7. Как бересты слой.

И как шелка шов. — Постоянная поэтическая формула, произносимая при сватовстве. Смысл такой: «Соединимся родством, как соединились слои бересты и как сшитые полоски шелка».

8. Шоор — дудка, свирель.

9. Алтай — в данном случае алтаем называется владение хана.

10. По древнему поверию алтайцев, погоду можно изменять с помощью магического камня—«яда».

11. Шатра — игра наподобие шахмат.

12. Талкан — мука из жареного ячменя, толокно.

13. В прошлом мужчины-алтайцы носили на голове косички. Схватить за косичку—большое оскорбление, вызов на драку.

14. Т. е. женским седлом.

15. В оригинале былтык — так ныне называют огнестрельное ружье, винтовку, но в древности былтыком называли лук, прекрепленный к длинной палке с зарубками для натягивания тетивы.

16. По представлению древних алтайцев, душа человека находится где-то вне его, она спрятана. Если ее найти, то легко можно расправиться с противником.

17. По обычаю племен Алтая, при сватовстве невесты приносят араку. Если родители невесты примут араку — значит, они дают согласие на выдачу невесты.

18. Шулмусы — подземные духи.

19. Казан — чаша.

20. Юч-Курбустан — верховный бог.

АЛТЫН-БИЗЕ

Ўйген сугар ады йок,
Ўрўп чыгар ийди йок,
Сöзин айдар балазы йок
Барал деп апшыйак јаткан.
Јетен јети талалу,
Алтан сегис булунгду
Алтын öргсöзи тур јаткан.
Öргööниң ичинде дезе
Алтын-Туулай эмегени отурган.
Анаң башка неме йок.
Сузуп ичкен талайы
Агын-тöгўн тўрўлген
Ак талай болгон.
Аныңг кийининде бўткени
Јўзўн-јўкпўр агаш.
Кўннiң чыгыт ньанда
Алтын сўрлў бўткен
Алтын тайга шибеелў.
Аныңг кырында турганы
Эки ээн агаш.
Суунының белтиринде дезе
Кара тайга шибеелў.
(Апшыйак база тыңла болтыр!)
Ак талайды јакалап,
Балык тудуп баас јўрер,
Алтын тайгазына чыгып,
Аң адып алар.
Алтын-Туулай эмеенин
Аңның эдиле азрап турар.

Айдып ла сал jўрди ол.
Анаҥ бир конок
Қойонныҥ ургучызына барды,
Қойон тўшкенин көрөтөн деп.
Барза, ньаҥыс ургучызына*
Алты айры мўўстў
Сыгын тўш калтыр.
Апшыйак оныҥ мойынынаҥ
Ыктала бу(у)лап алала,
Jединип ийди айылына.
Айылына экелип, кыйгырат:
«Куртыйак, бери чык!» — дийт.
Куртыйагы меҥдеп чыкты,
Сыгынды көрўп, кайкап айтты:
«Бу кайткан jаҥ болт —
Қойонныҥ сабагына*
Алты айры мўўстў
Ньаан сыгын тўжетен?!..
Бу бис кайткан улус?
Ўрўп чыгар ийдибис йок,
Ўйген сугар адыбыс йок,
Сöс айдарга балабыс йок.
Сен дезе аҥ аҥдап,
Қол-будыҥды баргаа тартырып
Баас jўредиҥ ыйлап-сыктап.
Jе, кудай берген болзо,
Кудайга берў эт».
Ак талайдыҥ jагазына
Апшыйак, куртыйак эге бардылар.
Алты айры мўўстў сыгынны
Ага jединип апарды.
Jетен айры тевир теректиҥ тöзинде
Алты айры мўўстў сыгынны
Ага öлтöрип jазадылар,
Кудайга берў эттилер.
Арткан эдини jўктенип экелип,
Куртыйагыла эге кайнаттылар.
Қайнаган этти тепшее салып,
Jев отурдылар.
Куртыйагы jев отуруп айтты:
«Jе, байла, бу бир керектў,
Тегин болот уш па?»
Тўн кирген. Эге уйтадылар.
Таҥар jуук болордо,
Ньаан улустыҥ көкси сааган.

Лар ойгонып, угуп јытлар:
Тышкары мал киштеп јытканы угулат,
Уй маарап јыт.
Улус эрвектеш јыт.
Куртыйагына апшыйак айт јыт:
«Калык кайдаҥ келди? — дийт,
Мал кайдаҥ келди?—дийт.
Апшыйак эжигин ачала, көрзө:
Көс јетпес көвөҥ чөлгө
Кор(к)ушту јараш мал,
Кор(к)ушту јараш ньон толыйтыр.
Арга-ньонды башкар јыткан,
Кара-күреҥ атка минген
Каралдай-Мөкө эмтир.
Ак малды дезе
Аттыҥ маҥ бажыла башкар јыткан,
Ак-боро атка минген,
Ак-Сагал апшыйак эмтир.
Јети башту Јелбеген
Суу белтиринде бийлеп јыт.
Одындуга ньонын сал јытлар,
Одорлуга ак мал сал јытлар.
Јети азулу јеерен айгыр
Ак малын коодуруп* алган,
Алтын тайга кырында тур јыт.
Јетен айры тевир чакызына көрзө —
Анда буулаган бар-чоокур ат тур јыт.
Јойу јүртен Барал апшыйак
Атту болуп, сөөнө берди.
«Јойу эм ангдабазым — дийт,
Чыралааныс эр јажына.
Үрүп чыгар ийдибис йок,
Үйген сугар адыбыс йок,
Ак талайдыҥ балыгыла,
Алтын тайганыҥ койонула
Курсактанып јаткан эдис.
Эм кудай берген јит».
Апшыйак эм каан болуп,
Алтын ширеениҥ сыртында
Суна* тееп ја-ат јыт.
Айдып турганча, куртыйак
Барлу болуп, курсак бол күйди —
Карааида.
«Ба-таа, куртыйак,
Мынаҥ тыныҥ артар ба?» — деп,

Апшыйагы куучыннап отурды.
Айд(ып) турала, бала чыкты.
Оң колында тудунганы —
Тоолок кара ок.
Сол колында тудунганы —
Терсил** кара кан.
Уулына сөөнгөн карган Барал
Маатырларын кычыр јыт,
Бойының маатырларына јакып јыт:
«Баланы слер тудугар,
Аны эптүү кабайлагар»—дийт.
Маатырлары эндүү торгоны јыртып,
Уулга чуу јазап јытлар.
Эвил агашты талдап,
Кабай јазап јытлар.
Эндүү торгоны тыда тееп јыт,
Эвил агаш кабайын
Тыда тееп, сындыр јыт.
Је айарда болбос мыны!
Чал агаш экелип,
Кабай бүктеп, јазап јытлар.
Чар терезини бүргеп*
Чуу јазап јытлар.
Алтын тонду алыптар,
Мөңүн тонду күлүктер
Јаш баланың буды-колын
Тизелеп бүктеп јытлар,
Уулды кабайлап јытлар.
Бала шарлада** ыйлап јыт.
Јетен јети талалу
Алтан сегис булунгду
Алтын өргөө кыймыктап јыт.
(Уул маатыр бүткенде!
Апшыйак чыдайдык эмес.)
Алып-күлүктер ле келип
Баланы кабайлап салдылар.
Айдып ла бала чыккан кийининде
Јети азулу јеерен айгыр
Алтын тайга кырында,
Эки ээн агаштың төзинде туруп,
Алтан каан јолыны
Айландра көрүп шиңнеди,
Јетен каан јолыны айландра
Көрүп, шиңнеп турды.
Көрүп турар болзо:

Күн чыгыды ньанда,
Јети боро ат минген
Јети Күндүк каан
Карган Баралдың јерин јуулап,
Мында јазан јыткан эмтир:
«Барал апшыйакта мал бүдүптир,
Анда ньон бүдүптир.
Аны барып јуулап экелер,
Малын алып, айдап экелер,
Јерин оның ээн эдер»—деп,
Јазан јыткан болтыр.
Јети азулу јеерен айгыр
Арга-беке тапай турды.
Јети түңгей Күндүк каан келзе,
Балтыр бежик јаш баланы
Лар өлтөргөйдик.
«Ньак, бо баланы сугар керек,
Өштүнің колына бербес керек!»
Јети азулу јеерен айгыр
Кырды төмөн шунгуп ийди.
Эки көзи чолмон ошкош,
Эки кулак кайчы ошкош.
Одус тогус шаңазы
Тизе бойго оролгон.
Алтын тайга кырынаң
Саң төмөн түжүп јадат.
Алтын тайга кырынаң түшти,
Көндрө лө келген бойынча
Алтын өргөөнинг эжигин ачты.
Эжикти ачып көргөжин:
Бейеги* апшыйак ла куртыйак
Ак кийисти јайып алган —
Јаш баланы тоглодып очоргон.
Јети азулу јеерен айгыр
Өргөө кирген бойынча
Баланы кабортодоң ло тиштеен,
Турган изи бар болды,
Барган изи соой берди.
Куртыйак, апшыйак кайкай бердилер,
Эки кожодын согундылар,
Эки качарын тартынып ийдилер,
Эге ыйлажып отура калдылар.
«Јер кадынаң јеткер бе
Балабысты кел апарды ба?
Јер сыртынаң јеткер бе

Биске кел табарды ба?» — деп,
Ачу-корон ыйлаш јытлар.
Јети азулу јеерен айгыр
Эки ээн агаштың төзине
Баланы алып јӱре берди.
Ол агаштың төзинде
Казандый теервек сӱттӱ көл
Бар болгонын билип,
Аа баланы апарала,
Эки јардының ортозына
Туйгакла таңма салды.
Баланы сууга салып, айтты:
«Маатыр болуп бӱткен болзоң,
Бу сууның тӱбинде јадып,
Анда өзӱп чыдарзың.
Тегин бӱткен кижи болзоң,
Анда өлӱп каларзың».
Баланы сал ийеле, бойы
Ары баспий, көр турды.
Көр турар болзо,
Јети Кӱндӱк каан
Там ла јууктап кел јыт.
Јети азулу јеерен айгыр
Алтын тайга кырынаң
База ла тӱжӱп ийди.
Кара-күреҥ атка минген
Каралдай-Мөкөни јакып јыт,
Ак-боро атка минген
Ак-Сагал апшыйакты јакып јыт,
Јети башту Јелбегенди јакып јыт:
«Солун-башка альчылар
Биске кел јыт—уткулар,
Адын алып, булалар.
Өргөөдөң јайган ак торгоны
Ат чакаа јетре јайлар.
Альчыларды јерге бастырбийн,
Торго сыртыла бастырып,
Алтын өргөө кийдирлер.
Тайгаа теҥнеп эт тууралар,
Талайга теҥнеп арагы аслар,
Кор(к)ушту ньаан альчылар
Биске кел јит».
Айарда ньоны чакпырап,
Тайгаа теҥнеп эт туурадылар,
Талайга теҥнеп арагы ас јытлар.

Барал апшыйак бойы
Алтын чиреенинг сыртына
Чыгып алган отуры.
Айдып ла сакып турганча,
Jети Кӱндӱк каан jет келди.
Jет келген каандардан
Алтын тонду маатырлары,
Мӧнгӱн тонду мӧкӧлӧри
Аттарын алып, буулап турдылар,
Бойлорыны колтуктап тӱжӱрип,
Jетен jети талалу,
Алтан сегис булунгду
Алтын өргөө ичине
Колтуктап ал кире бердилер.
Алтын столды тартып jытлар,
Алама-чикпир jӱзӱн аш
Столго салып jытлар.
Алтын тажуур арагыны,
Мӧнгӱн тажуур арагыны тургузып,
Келген альчыны кӱндӱлеп jитлер.
Jети Кӱндӱк каан
Ажы-тузын jев алып,
Арагызыны ичип алып,
Барал апшыйакты айттылар:
«Jе, Барал, бисле сен
Jуулажар кӱчинг бар ба?»
«Jок—дийт карган Барал —
Jуулажар чагым jок,
От-jалгыным чыга берген,
Акту бойым карый бергем.
Өрӧ этсеер — бойлорынгда,
Төвӧн этсеер — бойлорынгда».
Айарда лар айт отурат:
«Jуулажып болбос болзонг,
Jылдынг jылга албан-калан
Биске төлөп чыдырзынг ма?»
«Jок, аа да чыдап болбозым,
Бир де неме эт болбозым.
Бойлорынг ла билдер эми»—деп,
Кар(г)ан Барал ларга айт jыт.
Аны уккан jети Кӱндӱк каан
Чыгары өргөөдөнг чыктылар,
Чыгала, jӧптӧштилер:
«Jе бу өтрӧ карый бертир —
Мыны өлтӧрип те кайттан?

Малы јараш мал болтыр,
Малынаҥ мал јарып алактар.
Ньоны сӱреен јараш ньон болтыр,
Ньонынаҥ ньон јарып алактар.
Апшыйакка ас-тос мал артырар,
Ас-тос ньон артырар» — дежип,
Апшыйакка келип кирдилер.
Јалаҥ болгон алаканын јайа тудуп,
Апшыйакла эзеннежип, айт јытлар:
«Је, јанар өйис јетти,
Ак малыҥнаҥ мал јарып аларыс,
Ньонынаҥ ньон аларыс».
«Бойлорыҥ ла билдер слер,
Аны блаап ал болбозым» — деп,
Кар (г) ан Барал парга айт јыт.
Јети Кӱндӱк каан
Јети боро адына мӱндилер,
Јетен айгыр мал јардылар.
Јетен айгыр малды
Алтын тайганы эбирип сыбырдылар,
Је малдаҥ бир мал айрылбас.
Јетен төчин ньон јардылар —
Јетен төчин ньоны
Ньонго булгалып, јарылбас.
Јети азулу јеерен айгыр
Алтын тайга кырынаҥ
Эм көрӱп турза:
Јети тӱҥей Кӱндӱк каан
Аргазыны таппай, каныгар болзо,
Јуртты ӱзӱп баргайдык.
«Ашпа, бойым тӱжӱп барадым,
Аныҥ аайын көрӧдим» — дийт.
Анайда айдып, алтын тайгадаҥ
Алтын куваkты эже тееп,
Саҥ төвӧн јеле берт.
Одус тогус шаҥазы
Тизе бойго оролгон,
Эки көзи чолмонду,
Эки кулак кайчыду.
Јети азулу јеерен айгыр
Саҥ төвӧн тӱжӱп јит.
Малды айландыра јелип ийерде,
Јетен айгыр мал
Эки башка јарылып ийди.
Ньонды айландра јелип келерде,

Јетен төчин ньон
Эки болуп јарылып ийди.
Јарылган малын айдап алып,
Јарылган ньонды айдап,
Јети азулу јеерен айгыр
Күннің чыгыды йаа баштанып,
Анила јүрүп ийди.
Агын-төгүн түрүлген ак талай
Күн чыгыды йаа тескери акты.
Аның јагазын чүмдеген агаш
Көдрө ана ээлди.
«Адаң да јакшы ат бол,
Аңнап-сулап мүнгейдик!»—деп,
Јети Күндүк каан айттылар.
Аттың балтыр эдини
Кылышпыла, јыдабыла јара сайгылап,
Шоктоп, савактажып, каткырыжып,
Кийнинең ары кел јитлер.
Јети азулу јеерен айгыр
Кара каны агып,
Ак малын айдап,
Арга-ньонын айдап,
Јети түңгей Күндүк кааның
Јери йее јүрүп ийди.
Бейеги апшыйак, куртыйак
Эге анча-мынча јаттылар,
Атанып өл сал ийдилер.
Кара-күреңг атка минген
Каралдай-Мөкөзи,
Ак-боро атка минген
Ак-Сагал апшыйак,
Ларла јети башту Јелбеген
Сөөгини алтынбыла, мөңүнбиле чымнап,
Алтын тайга кырына ал чыгып,
Аа тут салдылар.
Эм бойлоры јуртай бердилер.
Бийе сууга таштаган бала
(Оны сууга таштаганын
Лар кайдаң билзин!)
Сууданң чыгып алала,
Сүттү көлниң јагазында
Ташла ойноп,
Кува ла јылаач отурды.
Ап-апааш башту апшыйак
Аның јанына баас келди.

«Кай јызыҥ, балам?» — дийт,
«Э, кай јыт, ойноп јыт»—деп,
Аа уулчак айт јыт.
«А неле ойноп јызыҥ?» — дийт.
«А көр јизиҥ ме?
Таш ары адып, бери адып,
Ойноп јыдым».
«Је ол ойыныҥ токтот» — дийт.
Ол кырлаҥды ажып барзаҥ,
Алты азулу јеерен бее
Анда төрөп салтыр.
Аныҥ кулунын барып тудуп ал» — деп,
Апшыйак уулчакка айтты.
«Ы, менде бир ле неме йок,
Неле тудатам мен аны?» — деп,
Апшыйакка уулчак айт јыт.
Айарда апшыйак аа,
Каптыргазыны ачып ийеле,
Өҥдӱ торгобыла толгоп эткен
Тогзон кулач армакчы берди.
«Мыныла барып чалмадап көрзөҥ» — деп,
Уулчакка ол айт јыт.
Бала алган ла йерде — сөөҥгөн,
Қырлаҥ ја(а) ла јӱ(г)ӱрди.
Қырлаҥ(г)а чык барды,
Ары койын бактылап көрзө,
Алты азулу јеерен бее
Анда төрөп салган туры.
Кулуны энезини ары ажыра калып јыт,
Алтан беениҥ сӱдини
Теле ээп јыт.
Бери ажыра калып јыт,
Бежен беениҥ сӱдини
Теле ээп јыт.
Уулчак армакчызын јазап,
Кулунга чалмазын кел салган,
Қыл мойнына кирбеди бе!
Кулун чыҥыр туруп ойлыырда,
Бала армакчыны белине
Катап, катап ороды.
Кулун ташка кел тепкенде,
Таш кодорыл јыт,
Јарга кел теберде,
Јар јевирил јит.
Токтодып болбос болды аны!

Алтын тайганы эбирип,
Баланы кийнинең сөгрөдип,
Кулун токтобой мангтады.
Кулунның табыжы андый ок,
Баланың табыжы андый ок.
Ол ло туружып-туружып,
Кулун арып, токтой берди.
Кулун токтыырда,
Бала база токтой берди.
(Токтобой, кана барзын!)
Кулун токтоп, балага айтты:
«Эвеш ле болзо, учкан,
Ач белиң ӱзе согор эдим!»
Аны уккан бала айт јыт:
«Эвеш ле болгон болзо,
Мен сениң арга-мойның
Ӱзе тартар эдим!»
Лар айда эрвектештилер.
«Сен кандый јерден бӱткензиң?» — деп,
Ат уулчактаң сурап јыт.
(Ат болбий база! Туйладып туруп,
Ньанадып алганда.)
Атка уулчак айт јыт:
«А кайдаң бӱдейин база?
Эки ээн агаштың төзинде,
Теервек ньаңыс көлгө
Өзӱп чыдаган мен эдим,
Өскө неме билбезим»—деди.
«Је, анду болзо, аа барак»—деп,
Ат уулчакка айт јыт.
Уулчак адыны јединип алала,
Көл көстөп салып ийди.
Ийттең јовош ат болтыр,
Минер тевине јеткен эмтир.
Уулчак бойы да ол туштa
Эр тевине јеткен болды.
Је кийер кийими јок болуп,
Кува јылаач бойы баады.
Эки ээн агаштың төзине
Лар эге келдилер.
Келер болзо, ба-айт!
Ју ла кийетен кийими
Эки ээн агаштың төзинде
Чогуп салган јадыры.
Келген ле бойынча **адын буулады,**

Штан-чамчазын кийип турды,
Тогус кат ылтанғла көктөөн
Өдөгин тееп кийип алды.
Алтын јазалду тонын кийди.
Сегис кат көө куйак,
Тогус кат тевир куйак,
Јазалду кебин кийип ийди.
Айга-күнге чагылган
Алтын курдак курчанды.
Кара кумдус бөрүгини
Калказына салып алды.
Кара болот јыдазыны
Карызына јылдырып алды.
Јетен јети текпелү
Ай карағай садагыны
Аргазына јүктенип алды.
Эми атты эртиир керек.
Алтын үйген ала күйди,
Аттың бажына сугуп ийди.
Ээр-тогум капты ла,
Ат јанына баас келди.
Күвей јаланғ тогум салды,
Аны ээчий кечим салды,
Күлер арташ ээрин салды.
Одус тогус колоңгыны түңнеп тартты,
Үч куйушканын түңнеп сукты,
Адын башка чыйдып алды.
«Је эми бараа йадыс,
Бистиң адысты кем адыыр?»—деп,
Ат уулдаң сурап турды.
Аны уккан уул айтты:
«А сениң адыңды адабас кижи кайткан:
А сени түгүңгле адап салар керек!—деп,
Уулчак адына каруун берди. —
Кан-јеерен ат болорзың!»
Айарда ады айт јыт:
«А сениң адыңда не бар?
Алтын тайга кырында,
Эки ээн агаштың төзинде
Өскөн кижи сен.
Сениң адың Алтын-Бизе болзын!»
Эге аттарын адажып алдылар.
Алтын-Бизе алтын тайга кырына чыкты.
Эки көзи чолмонду
Кор(к)ушту јараш уул болды.

Алтын тайга кырынаҥ көр турза
Мал турган јери элбек —
Малы ас болтыр.
Ньон турган јери элбек —
Көс јетпес көвөҥ чөл —
Ээн тура калган эмтир.
«Бу кайткан јер?
Ашпа, түжүп көрөр» — деп,
Алтын-Бизе адына айтты.
Алтын тайга кырынаҥ
Алтын-Бизе түже берди.
Ол түжүп кел јадарда,
Кара-күреҥ ат минген
Каралдай-Мөкө јаспийин көрди.
«Бала да болзо,
Бийибис кел јит—дийт,
Кичү де болзо,
Кааныс кел јит—дийт,
Удра уткуур керек аны».
Ас-тос ньоныны јууп алып,
Удра уткуп јытлар.
Кан-јеерен атту Алтын-Бизе
Алтын өргөөни көстөп келди.
Алтын тонду алыптары,
Мөҥүн тонду маатырлары
Аны адынаҥ колтуктап түжүрип,
Алтын өргөө алып кирдилер.
Чыгары Каралдай-Мөкө
Бастыра керекти башкар јыт:
«Тайгаа теҥнеп эт тууразын—дийт,
Талайга теҥнеп арагы ассын — дийт,
Алтын-Бизениҥ тойын эдер».
Калык-ньон чакпырай ла берди.
Алтын-Бизениҥ тойына
Малдыҥ семизин өлтүрип,
Тайгаа теҥнеп эт туурадылар,
Талайга теҥнеп арагы астылар.
Јети башту Јелбеген
Ларла кожо иштеп јыт,
Ичеге-сачага јиирге јит.
Ак-Сагал апшыйак бойы
Өргөөниҥ ичинде башкар јыт.
Алтын стол тарттырган,
Алама-чикпир салдырган.
Алтын тажуур, мөҥүн тажуур

Арагы кугар салган,
Калыгы jыргай берди.
Алтын-Бизе бойыныҥ тойыны
Тойлоп отуруп, сурап айтты:
«Jе, jыргал ӧдӱп jит,
А бо агын-тӧгӱн тӱрӱлген ак талай
Тескери нерек аккан?
Аны билер кижи бар ба?»
«Jок—дийт — билбезис,
Бисте аны билер кижи йок.
Айда ла ол бӱткен эди».
(Билзе де, айтпай турган ине).
«Ак талайдыҥ jагазында
Бӱткен jажыл агаш
Кӱн чыгыт ньанына
Нерек кӧдрӧ ээлген?» — дийт.
«Jок — дийт, — бис аны билбезис.
Адаҥ Барал тужунда
Андый ла бӱткен агаш ол»—дедилер.
«Jе аны билбес болзоор,
Кайда-кайда бу jуугында
Кааида кыс бар уш па?
Меге эм кижи аларга керек».
Айарда: «Jок» — дештилер...
Кара-кӱреҥ атка минген
Каралдай-Мӧкӧ айт jыт:
«Мен билерим!»—дийт.
«Jе аны билерде, нерек айтпийзиҥ?» —
Алтын-Бизе тарына берди.
«Мен билерим!
Jӱс айлыктыҥ тӱбинде,
Кан-jеерен атка минген
Солоҥы кааида кыс бар»—деп,
Каралдай-Мӧкӧ куучындап jыт.
«Jе аны билетен болзоҥ,
Аа эм/д/и не барбас?»—деп,
Алтын-Бизе сурап jыт.
Jети башту Jелбеген кӧкшин
Аны угуп, айт jыт:
«Ураак барат па?
Менде де ӱч кыс бар.
Аныҥ талдаганын алгандыр кайат?
Бирзи аныҥ эки башту,
Бирзи ӱч башту,
Бирзиниҥ бажы тӧрткӧ jеткен...»

Аны уккан Каралдай-Мөкө
Јелбегенге јууктай базып келди,
Јети баштың белтирине
Маатыр алаканыла тажып ийди.
Јелбегеннинг јети бажы
Јер башка чачыла берди.
Күрекле күреп туруп,
Јелбегеннинг баш-көгүсти
Чыгары чаарып таштап ийди.
Алтын-Бизе аа айтты:
«Је, кара-күрең атка минген
Каралдай-Мөкө, сен
Ньаан јорукка бартан кижи.
Айлы-јуртыңа барып,
Куртыйагыңла эвеш уйтап ал.
Үч күннинг бажында
Маа ойто келерзинг».
Апшыйак Каралдай-Мөкө
Кара-күрең адына мүнди.
Кара-күрең аның ады
Кор(к)ушту учкур ат болтыр.
Јаш өлөнгди јайа баспий,
Көк өлөнгди көмө баспий,
Күннүң түштүги ньанда
Кара тайганың эдегинде
Јуртына јет келт.
Куртыйагы удра чыгат.
«Көргөн-укканыңгды айт—дийт.—
Бала да болзо, бистинг бийис,
Кичү де болзо, бистинг кааныс.
Ол слерге нени айтты,
Нени ук келдинг?» — дийт.
«Мен кудаа бараа келдим.
Үч күннүң бажында
Јүс айлыктың түбинде јаткан
Солоңгы каанның балазыны
Кудалап бараа айдым» —деп,
Каралдай-Мөкө куртыйагына айтты.
Аны уккан куртыйагы чуулданды:
«Уйга бүткен узун куйрук
Саа бүт калтыр — дийт,
Шак ла уйалбас мангдайыңа!
Карган јажында јүүлдинг бе?
Эки каанның ортозына
Сек болорго турганг ба?

Көк тенгери! Алтын-Бизе,
Карган көрмөскө саа
Каат алдырарга турган деп,
Каткы тегин чыккан эмес»—дейле,
Баа ла турган јеринде
Карган апшыйакты токпоктоды.
Апшыйак аны керекке де албийт,
Ачынган куртыйагына айт јыт:
«Кааннын алдына кудаа болуп
Өскө јерге барып келзем,
Мен ньаман кижи бе? — дийт.
Йакшы керек — дийт — ол».
«Йакшы эр» Каралдай-Мөкө
Үч күнге чаара јыргады.
Үч күннин бажында
Куртыйагы келип айтты:
«Бала да болзо — бийин,
Кичү де болзо — кааныҥ — дийт,
Айткан сөзин сындырба.
Үч күн озолоп өтти,
Аа ойто бар—дийт.
Айла јыргап-тойлоп јатканча,
Барбас деп санандын ба?»
Аны уккан Каралдай-Мөкө
Тур чыгала, чыгары чыкты,
Кара-күрең адын ээртеп ийди,
Кара торго тонын кийди.
Адына мүнип, јүрүп ийди.
Алтын-Бизе кааига једип келди.
Алтын-Бизе аны көрөлө:
«Је, бараа келдиҥ бе?»—деп,
Сүүнип, мында сурады.
«Ээ, бараа келдим!»—деп,
Каралдай-Мөкө айт јыт.
Үч ириктиҥ эдини
Бир ирик эдип тапта(г)ан,
Јүс тажуур арагыны
Бир тажуур эдип тапта(г)ан.
Јүзүн-базын азык јазап,
Арчымакка толо тапта(г)ан.
Каралдай-Мөкөни јорукка чыйдып,
Алтын-Бизе мында айт јыт:
«Је, јолыҥда ырысту бар—дийт.
Арагы ичкенде, чалчык болгонзыҥ,
Көп арагыны ичпе,

Артык тескери эрвек айтпа.
Тостың болзо кыбындый,
Торгоның болзо јигиндий,
Төрөөн болорго јўрген,
Ураактаң келген кижи эдим де.
Кан-јеерен атка мўнген
Алтын-Бизе кааныма
Бала кудалап келдим де,
Лаптап-эптеп айдып бер.
Је база бир ньаан эвес
Мениң керегим бар де.
Канча јылдар мынаң озо
Јетен айгыр мал јылыйган,
Јетен төчин ньон јылыйган.
Аның чабын угар деп,
Бого јўрген кижи эдим де.
Бир йарымнаң куда бол,
Бир йарымнаң мал-ньон тынгдап,
Јоруктап јўрген кижи бол» — дийт.
Аны уккан Каралдай-Мökö
Кара-кўреҥ адына мўнди,
Ураак јорукка атан ийди.
Кара-кўреҥ аның ады
Ньаан тайга ажу билбес,
Ньаан талай кечў билбес,
Салгын-куйунду јўре берди.
Ол ло бар јадарда,
Кара тайганың кырына чыкты.
Айландра ајыктап көрзö:
Көс јетпес көвөҥ чөлдиҥ ортодо
Јетен айры тевир терекке
Быдак сайын эт чакылаган —
Кызыл чакы эт туры.
Ардын, Кардын — **эки карындаш**
Аҥнап-сулап јўреле,
Анда оду јазап алып,
Эт чакылап салган болтыр.
Ларды көрөлö, Каралдай-Мökö
Капшай ла өзөккö тўшти,
Аның одузына токтобой,
Көндрö лö мангтат берди.
Аны көргөн Ардын, Кардын
Эки ўндеп кыйгырышты:
«Одуга тўшпес кайткан кижи?
Боо тўжўп, курсак јев,

Анаң ары барзаң кайдар?
Арып-чылап калган болзоң,
Эт јев, тыштанзаң кайдар?»
«Йок—дийт Каралдай-Мөкө,—
Аштап-торолоп јўрген кижи
Слерге мында йок.
Бартан мениң јолым ураак,
Керегим мениң ньаан эди,
Сологы кааңга капшай једерге
Кор(к)ушту меңдеп јыдым.
Алтын-Бизе јиит кааныма
Бала кудалап бар јыдым».
Айарда лар каткырыш јыт:
«Эки каанның ортозына
Сек болорго бар јызың.
Куда да болорың йок!»—дедилер.
Айдып саваактап јада калдылар.
Анаң ары бар јыдала,
Ак тайгага чык келди,
Ары койын бактылап көрди.
Анда мал кабырган улузы
Кюдрөзи мөңүн тонду,
Кой кабырган улузы
Көдрө лө алтын тонду.
Јўс айлыкты ажа берген
Тоозы йок малду
Кор(к)ушту бай ньаан каан
Анда јаткан болтыр.
(А ньонды тоноп, олјолоп,
Малын айдап турганда,
Бай болбийин база).
Каралдай-Мөкө кырда туруп,
Аны ончозын көр алды.
Кара-кўрең адының тискинин тартып,
Саң төвөн атан ийди.
Арга-ньонды аралап,
Алтын өргөөни көстөп лө келди.
Ат чакаа келерде,
Алтын тонду алыптары,
Мөңүн тонду мөкөлөри
Ат аларга кел јытлар.
Каралдай-Мөкө ларга айт јыт:
«Йок, мен слерденг ат алар учурлу,
Слер мениң адым албалар».
Бойы чыйрак кижи болуп,

Адынаҥ тӱже калып келди,
Адын чакаа буулап ийди.
Алтын өргөөни көстөп келди,
Алтын эжигин ачып кирди.
Алтын өргөө кирип, көрзө,
Солоҥғы кааннынҥ эмеени
Тогус кат ак чирдектиҥ сыртында
Торго-мандыкты кывый тудуп,
Көктөн отурган.
Солоҥғы каан бойы дезе
Чирееде уйтап јыт.
Солоҥғы кааннынҥ эмеени сурап јыт:
«Кайданҥ келген, неге јӱрген
Солун-башка кижи эдиҥ?»—деп.
Каралдай-Мөкө аа айт јыт:
«Күн чыгыды ньанда
Алтын тайга шибеелӱ,
Күн ажыды ньанда
Кара тайга шибеелӱ,
Агын-төгүн тӱрӱлген
Ак талай суулу бойы
Барал деп кижиниҥ јурты болгон.
Анаҥ чыгып артканы
Алтын-Бизе деп уул болор.
Аа бала кудалап
Слерге јӱрген кижи эдим.
Тостыҥ болзо кыбындый,
Торгоныҥ болзо јигиндий
Төрөөн болорго јӱрген эдим».
Айарда Солоҥғы кааннынҥ эмеени туруп,
Барала, апшыйагыны уйгус јыт:
«Сен турганҥда кайат?
Эрвек-куучын укканҥда кайат?»
Эмеенин угуп, Солоҥғы каан ай(т) јыт:
«Аштап келген кижи болзо,
Азрап кӱй сен аны.
Арып келген ат болзо,
Азрап кӱй ол атты.
Уйгум мениҥ јетпеен ушкуш,
Јакшы уйтап аладым» — дийт.
Анаҥ ары уйтап јыт.
(Уйтап та јаткан йок ушкуш ла!)
Эмеени катап-катап уйгуза берди:
«Сен кайткан кижи, турзаҥ өрө,
Бо кижиле куучыннашсаҥ!»—деп.

Ай(дып) јадып Солоҥы каан
Қолы-будын шавырада уужанып,
Арайдаҥ ла өрө турды.
Қаралдай-Мөкө эзендежип-мендележип,
Куда болуп, кудалай берди.
Аны угуп, Солоҥы каан ай(т) јыт:
«Бала бервес јер эвес,
Баланы Алтын-Бизее берер».
Алтын тажуур, мөҥүн тажуур
Арагызыны колго алып ийди.
Алтын стол тартып ийдилер,
Алама-чикпир јүзүн-башка аш
Аныҥ үстүне салып ийдилер.
Қаралдай-Мөкө—ньаан альчыны
Столго очодып алдылар.
Бат арагыны ич бердилер!
Қаралдай-Мөкө айт јыт:
«Алтын-Бизе јиит кааныма
Бала кудалап јүрген менде
Папыја база бир керегим бар.
Канча јылдар мынаҥ озо
Барал адазыныҥ јеринеҥ
Јетен айгыр мал јылайган,
Јетен төчин ньон јылайган —
Аныҥ чабыны угарга јүрүм».
Аны угуп срай јууктатпадылар:
«Андый немени бис билбезис,
Андый мал көрбөдис,
Андый ньон көрбөдис» — дедилер.
Анаҥ ары јыргай бердилер,
Арагылап кирлеп ле бердилер.
Қаралдай-Мөкө арагыны иче ле берди,
Аайак тыҥ эзирди.
Эзиреле, чалчый берди:
«Саа ийт кирди бе,
Саа кижи кирди бе?
Керекке албийин, јат јадар,
Өрө турбас кайткаҥ сен!
Алтын-Бизе каанымныҥ јеерен ады
Сениҥ адыҥнаҥ кайкал болордыҥ башка,
Бир де тутак болбос.
Алтын-Бизе бойы бүткени
Эр бүткен, сенеҥ кайкал,
Тутак анда болбос!» — деп,
Эзрик Қаралдай-Мөкө чалчыды.

Сологы кааннын јуртында
Тууге-сууге токтобос
Тарданак-Мөкөзи бар болтыр.
Тарданак-Мөкө једе ле келди,
Чалчып берген Каралдай-Мөкөнин
Колы-будуны былча тудуп туруп,
Улаага аны салала,
Уча кара ташла базыр кўйди.
«Уйтазын—айла кижи болор»—деди.
Каралдай-Мөкө уйтап калды...
Тангар јуук болордо, көкси саагыды.
«Ба-таа, арагыны-коронды мен
Өтрө ич салтырым ушкуш,
Эми нени айт салдым не?» — деп,
Ачу-коронго тўжўп, сананды,
Андый сагышту чыгары чыкты.
Чыгары чыгып көрөр болзо,
Кара-кўрең ады
Узеңее јетире јерди шапшылаан болтыр.
Каралдай-Мөкөни көргөн бойынча
Ат аның јўзине тўкўрди.
«Уйалар да јўзиң йок--дийт—сенде,
Улаадыр да маңдайың йок!
Алтын-Бизе кааның сени
Боо ийип, не деп айтты? — дийт.
Нерек сөзин укпайдың сен?
Артык сөс айтпа деген йок по?
Капчай ла мени божот -- дийт.
Алтын чылбырым бажыма оро,
Тискиним ээр-кашка кыста,
Тыным алып барадым.
Эми ле лар келер,
Сениң мойнынгды ўзўп ийер»—дейле,
Ол ок бойы ыйлап ийди.
Каралдай-Мөкө чылбырын башка ороп,
Алтын тискинди ээр-кашка кыстап,
Кара-кўрең адын божот ийди.
Аттың турган јери бар болды,
Барган јери йок.
Алтын чолмон кебин кийип,
Көк булуттың алдыла,
Ак булуттың сыртыла ат јўрўп ийди.
Каралдай-Мөкө өргөө кирерге турарда,
Сологы кааннын јуртын туткан,
Тевир боро атка минген

Тевир-Мӧкӧ маатыр туштады.
А-а! Кезериҥ бо бо?» — дийт ол.
Келген ле бой(ы)нча кел тажыды,
Арга-мойнын ӱзе сокты.
Каралдай-Мӧкӧниҥ буурыл бажы
Кара јерге бош чачыла берди.
Аны көргӧн Солоҥы каан
«Је, јеткерди эдип кӱйдис—дийт.—
Јетен аршын јеш карымды
Мыны сугарга кастар»—деди.
Ай(дып) јадып тышкары чыкты.
Чыга коноло, көрӧр болзо —
Кара-кӱреҥ ат йок болды.
Тууге-сууге токтобос Тарданак-Мӧкӧзи
Кара-кӱреҥниҥ кийининеҥ ары атты,
Јалы-куйругын бӱрте атты.
Тевир боро атка минген Тевир-Мӧкӧ
Кара-кӱреҥниҥ кийининеҥ келип адарда,
Кӱр-көксин бош өтрӧ атты.
Кара-кӱреҥ анаҥ ары чӧйилип,
Айлын көстӧп јӱре ле берди.
Алтын-Бизе каанына јеткен бойынча,
Чакаа ла кел јыгылды.
Алтын -Бизе чирее сыртында јатса,
Ӱзеҥги каларт эткени угулды.
«Ба-таазы, бу кандый ӱзеҥги
Мында каларт эде берт?»—дейле,
Тура коноло, чыга конды.
Чыгала, көрӧр болзо,
Кара-кӱреҥ ат јет келип,
Чакы ньанында јадыры.
Алтын-Бизениҥ толонодый чырайы
Тос кеберлӱ боло берди.
«Таҥмалар! Каралдай-Мӧкӧни
Баас кӱйдер бе?» — деди.
Токунап кирер јерин таппай,
Кор(к)ушту ньаан чу(г)улдады.
Эртен салган эмини кечкиде алып,
Кечкиде салган эмини эртен алып,
Кара-кӱреҥ атты тиргисти.
«Је, кайтты—дийт—бо?» — деп,
Кара-кӱреҥ аттаҥ сурады.
«А бо тенегиҥди ийе бергеҥ,
Тенегиҥ анда барала,
Бактанып туруп, чалчып туруп,

Аа ла бажын ўзе соктырган».
Аны уккан Алтын-Бизе
Кан-јеерен адын тутты,
Ээр-тогум салып,
Ол ок чыйдып ийди.
Каш куйагын кийип јит,
Кату керегин көдрөзин алып јыт.
Ураак јорукка чыйдып,
Кара-кўреҥ адына айт јыт:
«Сен, кара-кўреҥ ат,
Алтын тайга кырына
Татулап өлөҥ јев,
Тавыраҥ сўу ичип,
Јакшы севирип ал» — дийт.
Бойы учында аайак каныккан,
Аайак чуулданган, ачынган,
Кан-јееренге мўнип алып,
Таҥмалардыҥ јерин көстөп атанган.
Ас-тос ньоныла
Бөрўгини көдөрип, эзеннежип бар јыт.
Ас-тос малыбыла
Камчызыны өрө көдөрип,
Камчызыла эзеннежип бар јыт.
Кўн чыгыды йаа барып,
Ажу билбес ньаан тайга ажып јыт,
Кечў билбес ньаан талай кечип јыт.
Јаш өлөҥди јайа баспас,
Көк өлөҥди көмө баспас,
Кан-јеерен ат бар јадат.
Алтын-Бизе эргекпиле шоорлоп јыт,
Эринбиле кожоҥноп јыт.
Ол ло бар јытса,
Кара тайга јолында турган
Кара тайга кырына чыгып,
Ары ньанын көр турза:
Көс јетпес көвөҥ чөлдиҥ ортодо
Ак-боро атту
Ээрдиҥ кажынаҥ чыгар-чыкпас
Кандый да неме кел јит.
«Боозы не атазы болтон?»—деп,
Кара куваҥты эже тееп,
Кара тайгадаҥ тўш келди.
«Таайы! Таайы!» — деп, колын талбайтып,
Аа удра бала келди.
«Ба-таа! Бу мениҥ караан адамда,

Кару мениң карáан энемде
Кыс балазы бар ок болгон јыт,
Ол таайым деп келгенде».
Јууктап келип, эзеннежип-мендележип,
Јакшылажып, таныжып турат.
Солун бала Алтын-Бизеден сурап јыт:
«Кана барјызың, таайым?» — дийт.
«Мениң јоругым ураак, балам,
Је, балам, туштаганың јакшы!
Бо ло мениң келген јолымла
Мениң јуртыма сен бар.
Мен келгенче анда јат» — деп,
Алтын-Бизе балага ай(т) јыт.
«Јок, јок, таайы! — деп, бала болбийт.
Сен барган ураак јерге
Мен кожо барам» — дийт.
Айарда Алтын-Бизе ай(т) јыт:
«Ээ, балам, сен кичинек — дийт.—
Сениң кевирчегиң каткалак,
Кеви-јажың јеткелек,
Адыма адың једиш болбос,
Бойыма сен, кичӱ кижи,
Кайып тӱнгдеш јӱрерзиң?
Бистиң ле турган јеристең
Мениң јуртыма ла бар» — деди.
«Јо-ок, срай да айрылбазым,
Сенле кожо ло барам»—деп,
Кичинек бала мойноп ийди.
Баланың андый кылыгын,
Мойнын кырын салып, көрӱп,
Аның сӧзин угуп туруп,
Кӧӧ-кӱч јок ло
Алтын-Бизе аа айтты:
«Је јӱргейзиң база кожо,
Сени кижи канайдар?» — деди.
Эми таайлу-јеендӱ
Алтын-Бизе ле Алтын-Эргек
Аттарына мӱнип, јӱрӱп ийдилер.
(Баланың ады Алтын-Эргек болтыр).
Алтын-Бизениң кан-јеерен ады
Сайак базытла базып ийзе,
Бала сыр јелекле бар јыт.
Эвеш кичееп јелдирип ийзе,
Баланың ады сыр маңла сал јыт.
Аның ак-боро ады

Кара сууга түшкен бар јыт.
Аны көргөн Алтын-Бизе
Алаң кайкап, айт јыт:
«Адаангда кор(к)ушту коомой
Јорук болтыр» — деп,
Андый да болзо, карап алып,
Кийининең барып ла јыт.
Сологы кааннын алтайына
Јабыжып јууктап келди.
Сологы кааннын јеринде
Ак тайга турганын көрди.
Ак тайганың алдында
Көс јетпес көвөң чөл
Учы көрүнбес јаткан болтыр.
Көвөң чөлдиң ортозында
Јетен айры тевир терек
Будагы јер башка јайылган тур јыт.
Ай ньанна алтын бүри төгүлген,
Күн ньанна күмүш бүри төгүлген.
Јетен айры тевир теректиң төзине
Алтын-Бизе келип токтоды.
Бала база аттаң түшти.
Аттаң түжүп ле ийерде,
Ээрин сойо сокты.
Ээрин јерге кадап ийерде,
Теңерее јеткен арташ бүткен
Алтын тайга боло берди.
Алмас болот ак үлдүзини
Аның кыйына сайып ийди—
Чакыр кайа бүде берди.
Кара болот јыдазыны
База экелип кадады —
Көжөгөр кайа бүде берди.
Кечимини суура сокты,
Көс јетпес көвөң чөлгө
Аны келип челип ийди—
Түби йок кара көл болуп,
Көвөң чөл кайнай берди.
Аның кийнине тогумын челерде,
Агын-төгүн түрүлген
Ак талай јада берди.
Јүзүн-јүкпүр балыктар,
Јүзүн-јүкпүр куштар,
Јүзүн-јүкпүр аңнар
Анда толтыра болды.

Эмди карманынаҥ ак арчуул
Алтын-Бизе суура сокты.
Ары-бери экчеп ийеле,
Арташ бӱткен алтын тайганыҥ кыйына
Аны келип јайып ийди.
Јетен јети талалу,
Алтан сегис булуҥду
Алтын өргөө бӱде берди.
Бала аны көрӱп турала,
Јыдазыны алала, сайып ийерде,
Јыда ак.
Ӱлдӱзини алала, кадап ийерде,
Ӱлдӱ ак.
Ээрини экелеле, сал ийерде,
Ээр ак.
«Бу кайткан?! — деп, бала кайкады. —
Таайымныҥ нерек андый,
Мениҥ нерек мындый?»—деп,
Алтын-Эргек, аайлап болбой:
«Бу нерек андый?» — деп,
Алтын-Бизе таайызынаҥ сурады.
«Ээ, балам,
Сен кичӱ болбийзыҥ ма!
Кевирчегиҥ сениҥ каткалак,
Кеви-јажыҥ јеткелек.
Сен маа көрзөҥ —
Ньаан кижи болбийин ма!»
Кан-јеерен атты эвеш тартып,
Алтын-Бизе буулап кӱйди.
Алтын-Эргек ак-бороны
Кан-јееренге коштой буулады.
«Је, балам, эми сен
Кырга барып, койон аҥдырзыҥ,
Талайга барып, балык экелерзиҥ.
Бо талайда балыкты
Көрбийзиҥ ме, балам?
Балыктыҥ ичинде нин йок,
Сыртында кӱйек йок эдип
Тиштеп, мени азырырзыҥ.
Алтын өргөө тӱбинде
Сени сакып јадарым» — деп,
Алтын-Бизе бала(г)а айтты.
Бала айдырда кана барзын,
Алтын-Бизени укпыйн база!
\)л аҥнап, койон өлтөр јыт,

Ґалайга барып, балык тудуп,
Аны кўйек йок эдип бижырып,
Таайызын аз(ы)рап јыт.
Јўгўрўкке ле јўрди.
Бир кўн Солоңғы кааннынг
Мал кабырчы ла кой кабырчы
Ак тайганынг кырына чыгып,
Көрөр болзо,
Јок јерденг талай табылган,
Јок јерденг өргөө турган,
Јок јерденг тайга табылган,
Јўзўн-јўкпўр таштар дезе
Теңгерее јетре бўдўп калган.
Аны ончозын көргўлийле,
Мал кабырчы, кой кабырчы
Бойы-бойлорына мынайда айткан:.
«Солоңғы кааңга тўжўп айдар,
Бу ју атазы болтон,
Келип ончозын бойы көрзин».
Келип Солоңғы кааңга ай(т) јытлар:
«Мындый, мындый өргөө бўдўптир,
Мындый, мындый неме болтыр.
Бир кан-јеерен атла коштой
Ак-боро ат тур јыт...»
Аны уккан Солоңғы каан
Чочуп, ай(т) јыт:
«Је, кўлўк келген јит!»
Тууге-сууге токтобос
Тарданак-Мөкөзини, Тевир-Мөкөзини
Ларла кожо ўч судурчызыны
Солоңғы каан бойына алдырып,
Ларга мынайда айтты:
«Артык тавыш этпелер,
Кыйа-тейе эрвек айтпалар.
Кандый аайлу маатыр ол—
Көрўп, шингнеп келдер!»
Айарда лар јазанып алала,
Алтын-Бизе(г)е бардылар.
А бее баланың чыйрагы
Срай коркуш неме болтыр.
Беш кижи јортуп келерде,
Беш кижининг адын алып, буулады,
Акту бойлорыны колтуктап тўжўрип,
Алтын өргөө кийдире берди.
Ол өйдө јалба ла јерденг

Бир куртыйак чыгып келди.
Ол куртыйактың чыйрагын!
Алтын столды тартып јыт,
Јўзўн алама-чикпир салып јыт.
Алын тижи арсайган,
Кийин тижи ньемтийген.
Айдарда аны алаңзып,
Лар кör јитлер:
«Бу кандый куртыйак болгон,
Өтрö карып калган срай?
(Ол ушпа коңыр ат,
Алтын-Бизенинг экинчи ады,
Куртыйак бол кудул келген.
Бо јетре ырабай, көрўнбей,
Алтын-Бизеле кожо јўрген.
Маатырга сўме-арга болзын деп,
Өрö кудай оны јайа(г)ан).
Алтын-Бизе ончозын угуп,
Алтын чиреенинг сыртында јадып,
Ас терези тонын јамынып,
Тескери баштанып алган.
Казрык тартып, уйтап јыт.
Алтын өргöö кирген
Бее келген беш алыпты
Алтын-Эргек, карыган куртыйак
Алтын столго экелип очот јытлар.
Куртыйак курсак ла јазап јыт,
Олооч алтын тажуур арагы,
Мöңўн тажуур арагы
Ларга кугар сал јыт.
Алтын-Бизе кыймыгы йок
Алтын шире(г)е уйтап јыт.
Ўч судурчы шинғнеп кör јитлер:
«Алыбы алып болтыр,
Кезери кезер болтыр!
Кызарып агар каны йок,
Кыйылып өлöр тыны йок»—деп,
Ўч судурчы көр јитлер.
Куртыйак бар уйгусты аны:
«Турзаң ла турзаң, Алтын-Бизе!
Солун-башка альчылар келди.
Ку(у)чыннашпас не болдың,
Эрвектешпес не болдың сен?»
Солоңгы каан Каралдай-Мöközине
Кайта өчöжип јаткан эди,

Айда ок Алтын-Бизе
Ларга өчөжип, айтты:
«Аштап келген альчы болзо,
Азырап ла күйзеҥ ларды.
Уйгум мениҥ јетпийт,
Эвеш уйтап алайын!» — дийт.
«Тур ла тур!» — деп, авыр бербей,
Куртыйак аны уйгузып ла јыт.
Колы-будын шавырада уужанып,
Алтын-Бизе өрө турды.
Келген улусла көдрөзиле эзеннежип,
Столдыҥ кырына очор ийди.
Арагыны кожо иче берди,
Ашты кожо јий берди.
Эрвек-куучын чык бararда:
«Кажы јердеҥ келгеҥ?» — деп,
Альчылар сурап јытлар.
«Бар-чоокур атка минген
Барал апшыйактыҥ балазы мен.
Алтын тайганыҥ кырында
Сүттү көлгө өскөм,
Адым мениҥ Алтын-Бизе» — деп,
Ол келген улуска айдып берди.
Айарда лар сурап јыт:
«Кажы алтайды авадап бар јызыҥ?
Кажы јерди көстөп бар јызыҥ?»
Алтын-Бизе ларга ай(т) јыт:
«Ураак та бар тургам йок.
Јетен айгыр мал јылайган,
Јетен төчин ньон јылайган,
Аныҥ чабыны угуп барган
Кара-күреҥ атту элчим
Каралдай-Мөкө јылайган.
Аны бедреп, андый-андый керекке
Јүрген кижи мен — деди. —
База кайда кааида бала туштаза,
Аларга сагыжым бар эди».
Үгуп отурала, лар сурады:
«Је, бо куртыйак ју атазы болтон?» —
«А ол куртыйак јок болзо,
Мен кайдып јүртем?
Аҥнап-суулап јүргемде,
Курсакты эт бер јит.
Бу курсакты көрбийзер бе?
Мен аны јев ал јыдым».

«А бо кичӱ баланы кайтан?»—
«М, атты кем көрӧтӧн?
Койонды кем адып экелип,
Мени этле азырыйтан?» — деп,
Алтын-Бизе јартап берди.
«А-а» дежип, очордылар.
«Јанар ӧйис јетти» — дештилер.
Беш маатыр ол ок туруп-туруп,
Эзеннежип-мендележип, атандылар.
Ак тайганың кырына чыгала,
Очы судурчы ай(т) јыт:
«Ол јӱрген куртыйактаң
Нени көрдӧӧр, алып-кӱлӱктер?» —
«М, куртыйак куртыйак ла болтыр!
Бала бала ла болтыр!
Маатыр, маатыр ла болтыр!
Је база нени көрӧрис?
А сен нени көрдиң?»—деп,
Арткан төртӱзи сурап укты.
Айарда очы судурчы ларга айтты:
«Йок, мен көрдим — дийт. —
Куртыйактың сыранчыгының алдынаң
Аттың куйругы чыкканын». —
«Солоңгы кааңга барала,
Сен база айдып айт!
Бис канча кижиниң —
Төрт кижиниң көзи јетпесте,
Ньаңыс ла сениң көзиң јеткен јыт.
Солоңгы кааңга барала,
Копчылан эми сен!» — деп,
Алып-кӱлӱктер аны кезетти.
Ньаңыс кижиниң сӧзи јарыр эвес.
«Је анду болгой база» — деп,
Очы судурчы јӧпсинди.
Лар Солоңгы кааңга једип,
Ончолоры айт турадылар:
«Бӱдери бӱдӱптир!
Кызарып агар каны йок,
Кыйылып ӧлӧр тыны йок.
Кор(к)ушту бӱткен маатыр болтыр!»—
«Је айарда кезер бойы келген јыт!» — деп,
Солоңгы каан коркып ай(т)ты.
Алтай сырты алтан курбу черӱ,
Јердиң сырты јетен курбу черӱ
Менгнеп-шиңгнеп јууп ийди.

Ӱч судурчыны,
Тевир боро атту Тевир-Мөкөзини,
Тууге-сууге токтовос Тарданак-Мөкөзини
Баштадып, ол черӱзиле
Алтын-Бизени өлтөрзин деп ийди.
Бее карган куртыйак
Ак тайганың кырына чык барды.
Ак тайганың кавортозына јетре
Черӱ чык келгенин көрди.
Сары билее јыжып ийди,
Сөгис кырлу тевенезин сокты.
Анаң-мынаң булут чыккан,
Ак кар токтовой јаап,
Агаш бажына чаара јааган.
Јердиң сыртының јетен курбу черӱ
Карга бастырып бош кырылган.
Алтай сыртының алтан курбу черӱ
Бир де кижи артпай кырылган.
Тууге-сууге токтовос Тарданак-Мөкө,
Тевир-Мөкө, ӱч судурчы
Анаң ла суурулып, тирӱ арттылар.
Солоңгы кааңга једип,
Лар мынайда айт турулар:
«Ак тайганың кавортозына једеле,
Јаан ак кар јаады,
Албаты-черӱ бош кырылды».
Айарда бир содон куртыйак
Келип чыга ла конды.
«Ол кайткан јаң болгон? — дийт. —
Ашпа, мен аа барып,
Көдрӧзин көр ийерим!»
Тос кевезин алып ийди,
Том талайына калып ийди.
Алтын-Бизениң куртыйагы дезе
Аның кел јытканын сес ийди.
Ак тайганың кырына чыгала,
Куйуткак салгынды кийдирди.
Том талайды тоңдырала,
Тос кевезини талайдың ортозына
Содойып тоңдырып салды.
Көдрӧзин көрӧргӧ барган куртыйак
Нени де көрбӧй, содойгон кевезине,
Талай ортозына отуруп кӱйди.
Алтын-Бизениң куртыйагы
Ак тайганың кырынаң тӱжӱп,

Алтын-Бизее келеле, айтты:
«Јажына боо јуртырга ба?
Солоҥы кааннын јӱзини кӧрбӧс пӧ?
Јӱрегиҥ јарылып боо јадырзыҥ ма?
Ереме бистиҥ јеткен,
Барар керек эми ле.
Боо канчазын јаттаҥ сен!» —
«Чын да андый!» — деп айдала,
Алтын-Бизе тура ла конды.
Тура конуп, кадаган јепселдерини
Бирдеҥ кӧдрӧ кабырып алды —
Јуртыны ӱзӱп ийди.
Адыны ээртип берерде,
Олооч адыны база ээртеди.
«Солоҥы кааннын јуртыны
Бар кӧрӧргӧ јадым» — деди.
Атка мӱнип, атанып ийдилер.
Қуртыйак тарс тавылбийн калды.
Алтын-Бизе јеенизиле эге
Ак тайганыҥ кырына чыгып,
Солоҥы кааннын јерин кӧрзӧ:
Ба-а, албатызы срай кор(к)ушту!
Ак мал, албаты-ньон
Тоозы йок турган эмтир.
Солоҥы кааннын кан-јеерен ады
Јетен айры тевир чакынын тӧзинде
Айланыжып туру срай.
Эки кӧзи чолмонду,
Эки кулак кайчыду.
«Қӱлӱк ак болгон јыт!»—деп,
Алтын-Бизе кӧрӱп турат.
Ак тайгадаҥ тӱжӱп ийдилер.
Арга-ньонды аралап,
Ак малды аралап,
Алтын ӧргӧӧни кӧстӧп келдилер.
Алтын тонду алыптар,
Мӧҥӱн тонду мӧкӧлӧр
Ат аларга санаарда,
Алтын-Бизе адын алдырбады.
«Бойым да тӱжӱп буулагайым» — деп,
Адынаҥ тӱжӱп, бойы буулап ийди.
Алтын ӧргӧӧни кӧстӧп бар ийди,
Алтын ӧргӧӧниҥ эжигини
Бойы ачып кирип келди.
Солоҥы каан бойы

Алтын столдо отурды.
Аныҥ куртыйагы дезе
Тогус кат ак ширдекте отуры.
Айарда Алтын-Бизе
От айагына кел отура тўшти.
Лар эзеннежип-мендележип,
Ады-јолыны сурашты.
Анаҥ Солоҥы каанныҥ бала кызыны
Алтын-Бизе кудалап ла берди.
Айарда Солоҥы каан
Алтын-Бизе(г)е айт јыт:
«Ашпа, эвеш арааглап алак,
Чатра, көзөр салак.
Аҥ соҥында јөп айдарым»—дийт.
Алтын-Бизени столго очодып,
Чатра, көзөр сал ийди.
Алтын тажуур арагы
Кугар сал јыт.
Алтын-Бизе айд(ып) отурат:
«Папыја база бир керектў
Јўрген кижи мен эдим.
Јетен айгыр мал јылайган,
Јетен төчин ньон јылайган,
Јетен јылга једе берген.
Аныҥ чабыны угарга барган
Кара-кўреҥ атту
Каралдай-Мөкө маатыр јылайган.
Аны бедреп табар деп,
Јўрген кижи мен эдим» — дийт.
Аны угуп, Солоҥы каан:
«О-о!—деп калактап айтты.—
Андый кижи бери
Срай ла келген йок,
Билбес бис аны»—деп,
Эткен кылыгын јажыр ийди.
Аҥ соҥдо Солоҥы каан
Алтын-Бизе(г)е ай(т) јыт:
«Је мениҥ баламды сен
Аларга турган болзоҥ,
Јўс айлыктыҥ тўбинде,
Јетен айры тевир терек бажында
Ак нокто бар—дийт.—
Кемниҥ ады аны озо бар экелер —
Баргаан эдер»—дийт.
Алтын-Бизе аа ай(т) јыт:

«Је, давай!»
Сологғы каан чыккан ла јерде
Кан-јеерен адын божотты
Алтын-Бизе чыккан ла јерде
Бойынын кан-јееренин божотты.
Сологғы кааннын ады
Турган јери бар болды,
Барган јери йок болды.
Каворто јолды ал ийди.
Алтын-Бизенин кан-јеерени
Кийинде ураак арт калды.
Тенгериде ушпа коғыр ат
Үстүнең көр турар болзо,
Алтын-Бизенин кан-јеерени
Аны једип болбос эмтир,
Ак ноктоны алар аргазы
Кан-јееренниң јок эмтир.
Сологғы кааннын ады
Аны ал ийтен эмтир.
Ушпа коғыр ат
Кызыл јивек кебин кийип,
Кан-јееренге түжүп ийди.
«Ат бүтпеенге бүт!»—дийт.
Кан-јееренди тудала,
Аны тынғыда силгип ийди,
Куу тезек эдип, челип ийди.
Бойы аа силгинип,
Кан-јеерен бололо,
Сологғы кааннын адын сүрүжип
Кийинең ары јүрүп ле ийди.
Орто јолдоң өдүп (бар) јыткан
Сологғы кааннын адына једип,
Аның алдына кирип алды.
Јетен айры тевир теректиң бажында
Ак ноктоны алып,
Ойто ло јана бурулды.
Сологғы кааннын ады
Бо ло јабыжып келген бойынча
Ойто ло бурулган.
Сологғы кааннын ады
Кан-јееренге једип болбой,
Ураак кийинде артып калды.
Алтын-Бизенин ады
Аны озолоп јүрүп ийди.
Бийе кудулган кан-јеерен

Адына келди
Келеле, ак ноктоны берип,
«Је, эм капчай ла бар!»—деди.
Бойы кызыл јивек кебин кийди,
Теңгери өрө чыга берди.
Солоңгы каан өрө туруп,
Алтын-Бизеле тышкары чыкты.
Эге чыгып көрөр болзо,
Алтын-Бизениң кан-јеерен ады
Ак ноктоны алган,
Солоңгы каанның чакызына келген.
Келип, узак турарда,
Аның тери соой берген.
Солоңгы каанның ады
Арып, таралјып чакыга
Бо ло јет келген.
Аны көргөн Солоңгы каан
Алтын-Бизе(г)е эрвек айдат:
«Је бир баргаанды алдың сен,
Эми база бир баргаан эдер.
Сениң маатырың ла мениң маатырым
Бистиң көзинче күрешсин!
Сен маатырлу болтырзың!»
«Давай күрешсин—атказ йок»—деп,
Алтын-Бизе аа айтты.
Бийе кожо јүрген баланы—
Алтын-Эргек ньенизини—
Күрешсин деп чаарып ийди.
Солоңгы каан аныла күрежерге
Тевир-Мөкөни кычырды.
Каан јуртын тудуп турган
Тевир-Мөкө маатырга
Ол бала кайда чыдыйтан?
Тевир-Мөкө кичинек баланы
Капкан ла јерде өрө көдүрди,
Колы-будын тайбайтып,
Көк айаска ал чыкты.
Айарда Алтын-Бизе
Бойы чыга ла конды.
«Талган ла суу чейип ичкенде,
Күчи киретен балам эди.
Талган ла суу чейип ичкен йок,
Бо бала барган эди»—деп,
Алтын-Бизе меңдеп айтты.
Анайда айдып көрзө,

Баланы кара тайга корумына
Таштырга јазап алган эмтир.
Алтын-Бизе келген ле йерде,
Баланы јиткеден ле кабала,
Алтын-Бизе эдип силгип ийди,
Аа мынайда айтты:
«Сен мынаң эми ле бар,
Сологы каанла чатра, көзөр ойно»—деп,
Аны өргөө ийе берди.
Бойы Алтын-Эргек болуп
Тевир-Мөкөө калып ийди.
Тевир-Мөкө маатырдың
Кайышпас кабыргазы кайышты,
Омурылбас ооргозы омурылды.
Анча-мынча кабыш јүргенче,
Колы-будын тайбайтып,
Кара тайга үстүне
Аны экел салып ийди.
Аккан каны талай болды,
Ады-сөөги тайга болды.
Сологы каан аны көрөлө,
Кор(к)ушту тың ачынды,
Бойын билинбей, кыйгырды:
«Баргаанды сенің адың алар,
Менің јурт туткан маатырымды
Сенің маатырың өлтөрөр!» — дейле,
Алты ньанда очоргон
Алтын-Бизе болуп кудулган
Бийе баланы тажыырда,
Арга-мойны үзүле берди,
Бала база ба-арды.
Тевир-Мөкөни өлтөрөлө,
Анда-мында сеңзеп,
Алтын-Бизе једип ле келди,
Алтын өргөө кире ле конды.
Келер болзо, ньеңизиниң мойнын
Бош үзе таажып күйтир.
Алтын-Бизе Сологы каанга
Ачынып, калтыражып ла келди.
«Уйалар да јүзиң йок,
Улаадыр да мангдайың йок сениң!»—дейле,
Сологы каанды кежегезинең ле капты.
Алтан сегис талалу,
Јетен сегис булунгду
Алтын өргөөни тооразынаң бузуп,

Эки маатыр чыкты.
Аа-боо ло согуп,
Солоҥы кааңды өлтөрди.
Калыҥы јетен аршын
Јеш карымныҥ түбинде јаткан
Каралдай-Мөкөзин кас чаарды.
Алтын-Эргек олооч ньеенизини
Алтын-Бизе тиргисти.
Каралдай-Мөкө тур келеле,
Айландыра көрөлө, ай(т) јыт:
«Адааҥ да дезеҥ!
Тюрөҥ саат уйтап калтырым!
Ачу араа соктырала,
Эми бажым агрыйт...»—дийт.
Колы-будуны уужан турат.
Аар јеезелү јуртыны
Кожо јевре бердилер.
Каанныҥ коозолу јуртыны
Кодоро бердилер.
Солоҥы каанныҥ балазыны
Өргөөдөҥ чаарып алдылар.
Кан-јеерен адыны
Алтын-Бизе өскө ээрле ээртеди,
Солоҥы каанныҥ балазыны
Аа апарып мүндирди.
Алтын-Эргек ньеенизини
Јакып јыт эми:
«Ньееним, Алтын-Эргек,
Јери-јуртыма кожо бар,
Бо ньеҥеҥди каруулдап,
Анызла кожо јөрөрзиҥ—дийт.—
Јакшы ат мүн јүр,
Јакшы аш јев јүр!
Кара-күреҥ атту Каралдай-Мөкө,
Бо малды айдап,
Јери-јуртыма јетирерзиҥ!» — дийт.
Ларды айдып јүргүзеле,
Бойы арташ ээрини,
Көө јалаҥ тогумыны
Тудунганча ла тура калды.
Канча јепселин кабра тудала,
Ончозын јүктенип алды,
Күндүк јери йее јүрүп ийди.
Эми јойу бар јыт.
(Адына катын мүндирип,

Айлы-jуртына ийе бергенде!
Солоңгы кааңга ла jетире
Минетен ады ол болтыр.
Jети Күндүк кааннының jерине
Кан-jеерен jедерге чыдашпас.
Солоңгы кааннының адына jетпесте,
Андый jерге кайда чыдашсын!)
Маатыр Алтын-Бизе
Эми jойу база берди.
Тайга ажып ок турды,
Талай кечип ок jүрди.
Түни-түжи барыплыйт ол.
Көс jетпес көвөң чөлгө jеделе,
Көр турар болзо,
Ушпа коңыр ат
Кызыл jивек кебин кийди,
Чөйүлип, алдына кел түшти.
«Кай jызың, уул, — дийт — сен?» —
«Кай jыт, көрбийзиң ме?
Jети Күндүк кааннының jери йее
Мен бар jыдым».—
«А бо не jойу бар jызың?
Адың нерек бердиң сен?»—деп,
Коңыр ат сурады.
«А сени мүнбес кайткан?
Сени мүнер(г)е керек маа» — деп,
Алтын-Бизе аа айтты.
«Йок, мени саа мүнерге
Үч-Курбустан кудай jайабаан.
Сүме-арга болзын деп,
Саа болуш jөрзин деп,
Лар мени jайаан». —
«Jо-ок! Мен сени мүнерим!
Нүжели кижи jойу
Jети Күндүк кааңга jетре,
Буды талганча базып барар?»
Айарда ушпа коңыр ат ай(т) jыт:
«Jе, үч айлыкка jарыжак.
Jедип мени тутсаң —
Ат болойын саа.
Jедип тудуп болбос болзоң —
Jети Күндүк кааңга
Эки тайдаңды мүнүп,
Jойу маңтадырзың!»
Ушпа коңыр ат

Қызыл тўлгў кебин кийди,
Анаҥ-мынаҥ јемзеп,
Ары болуп јелип ийди.
Айарда Алтын-Бизе
Ат карлагач кебин кийди,
Қызыл тўлгўни көстөп алып,
Кийиннеҥ ары сўрўп берди.
Ол јерле бар јыт,
Алтын-Бизе тенгериле учат.
Бир айлык јерди өтти —
Қызыл тўлгўни једип болбоды.
Анаҥ ары бар јыдала,
Ушпа коҥыр ат
Көк мөри кебин кийди.
Алтын-Бизе аны көрўп,
Қара мўркўт кебин кийди,
Кийиннеҥ ары ак болды.
Экинчи айлыкта једип болбоды.
Эми ньаҥыс айлык
Лардыҥ алдына јада калды.
Ушпа коҥыр ат
Өҥўс айу кебин кийди.
Аны көргөн Алтын-Бизе
Қан-кереде куш болуп,
Аайак каныкты,
Аайак чуулданды.
Аныҥ кеен сыртына
Қара агаш өзө берди,
Кеен чолмон көзин
Қызыл кан алып ийди.
«Ичиҥ сениҥ ньин,
Тыштыҥ сениҥ туулак—дийт.—
Сен мени бийдип јў(г)ўртип,
Бийдип кыйнап турган болзоҥ,
Ўлөжиҥ сениҥ берем!»—дийт.
Ўчинчи айлыкта кел тепти,
Коҥыр атты тудуп алды.
Ушпа коҥыр ат
Аа ла силгинип ийди,
Ат бойы боло берди.
Алтын-Бизе оҥ-терс йок,
Алтын ўйген башка сугуп јыт,
Көвөҥ јалаҥ тогум сал јыт,
Қўлер арташ ээрин салып,
Бойыныҥ адын ээртеп јыт.

Одус тогус колоңын,
Тўңей эдип тартып јыт,
Ўч куйушкан тўңей сук јыт,
Ўн де йок јазавлийт.
Қазра тиштў кара камчыны
Билек төскө јылдырды,
Ушпа коңырдың ўзеңее тепти,
Сыртына чыгып, мўнип ийди.
Қазра тиштў кара камчызы
Јалмаш эдин јара сокты.
Је ат кыймыктанбас болды.
«Чулмус болгоң,
Кай бардың?»—деп,
Алтын ўйгенди серпий-серпий тартарда,
Эки јавачайын кулакка јетре
Бош ыра тартып ийди,
Јалмаш эдин јара сокты.
Ушпа коңыр ат айтты:
«Алтын-Бизе маатырым,
Алып-кўлўк бўткең сен.
Јердиң сыртына бо кылыгынгла
Мен кай ал јўртем? — дийт.
Кийниң йее көрзөң»—дийт.
«Анда ју бол барды?»—деп,
Алтын-Бизе кайа көрди.
Төрт туйғагының басканы
Төрт теервек көл болуп,
Қазан чылап кайнап турды.
Айарда Алтын-Бизе
Аттаң јерге тўже калыды.
«А кай барт?»—деп
Коңыр аттаң сурады.
«А сен чу(г)улдыйле, мўнеринғде,
Қөдөрип болбодым мен сени.
Чуулду сени көдөрип апарарга
Кўчим мениң јетпеди»—деп,
Алтын-Бизе(г)е ат айтты.
Айарда Алтын-Бизе аа айдат:
«Аайак јў(г)ўрткензиң сен мени.
Қажы немени јўктенип алала,
Ўч айлыкка сен јў(г)ўрзең,
Чу(г)улданбий база»—деди.
Эртендеги салган эмини кечкиде алды,
Кечкидеги салган эмини
Таң алдында алды.

Серпий-серпий тартканыны,
Jара соккон jалмаш эдини
Ончозын jазып алды.
Алтын-Бизе кўлўк-маатыр
Озогы ла бойы болды:
Эки көзи чолмонду,
Толонолу чырайы омок болды.
Ушпа коңыр атка мўнип ийди,
Jаш өлөнгди jайа баспай,
Көк өлөнгди көмө баспай,
Анаң ары jелип ийди.
Jети Күндўк кааннын jерине
Jолын алып бар jытлар.
Ол ло бар jыткан jолдо
Ак тайга турган.
Ак тайганың кырына чык көрзө,
Көс jетпес көвөң чөл,
Кор(к)ушту jараш jер jаткан.
Көрўп турар болзо,
Кан-jеерен бир мал
Ларга удра кел jыткан,
Кор(к)ушту jараш мал болгон.
«Ы, аңнап-суулап мўнгейдик,
Кор(к)ушту jараш мал болтыр,
Муны тудуп алза кайдар?»—деп,
Алтын-Бизе сөөнип айтты.
Торгобыла, маңдыкбыла толгоп эткен
Тогзон кулач армакчызын
Канчаадаң чечип ийди.
Чеч ийеле, маңтат барып,
Кан-jеерендi чалмадыырда,
Кыл мойнына кирбей кайтты!
Кыл мойынына киреpде,
Мал jажыл көлөскөн кебин кийди,
Jылгап өдўп барала,
Бийе армакчыдаң чыга берди.
«Ба-тааңның!
Ичиң—ньин, сыртың — туулак,
Сенең бери кудулгаасту!
Тогзон кулач армакчымнаң
Өдўп чыгып турганг болзоң,
Jетен jети текпелў былтыгымның
Кайбыр огынаң кедери
Кай барадың өшкош, көрөйин.
Кўр көксиңди өтрө адар болбыйым»—деп,

Ычазынаҥ былтыгыны ал јыт.
Айарда ол кел јыткан мал
Алтын-Бизе(г)е кыйгыр јыт:
«Сен аштап-суузап, торолоп
Келип јыткан кижи болзоҥ,
Мени эвеш карап ал!» —
«Сени не карыйтен?» — деп,
Алтын-Бизе аттаҥ сурады.
«Је карап алзаҥ эвеш!»—деп,
Кан-јеерен мал сурады.
Ол турган јерде силгин ийерде,
Көс јетпес көвөҥ чөлгө
Мал, ньон толо берди.
Ньаҥыс бойы кап-товра
Тур береле, айтты:
«Бо ак малга, арга-ньонго
Ачынбий турганҥ болзоҥ,
Эм ньаҥыс бойымды
Ат јизеҥ, бойында!»—деди.
«Бо кайткан ньаҥ болтон бо?»—деп,
Алтын-Бизе срай алаҥзый берди.
Айарда кан-јеерен мал
Аа база ла кыйгыр јыт:
«Кайдаҥ келген кижи эдиҥ?»—дийт.
Алтын-Бизе аа ай(т) јыт:
«Агын-төгүн түрүлген
Ак талай сугатту,
Күн чыгыды ньанда
Алтын сүрлү бүткен
Алтын тайга шибеелү,
Бар-чоокур атту
Барал апшыйактыҥ
Эр ньаҥыс уулы мен—дийт.—
Алтын тайга кырында өскөн
Алтын-Бизе болорым».
«Је, айарда сен
Бери түш—эрвектежерис»—деп,
Кан-јеерен мал айтты.
Алтын-Бизе түжүп ийди.
Түжүп келерде:
«Је катап-катап айтсаҥ!»—деп,
Мал оноҥ сурады.
«Бар-чоокур атту Барал апшыйактыҥ
Эр ньаҥыс уулы мен.
Алтын тайганыҥ кырында,

Эки ээн агаш төзинде,
Теервек көлдиң түбинде
Өскөн кижи мен»—деди.
«Је, анду болзо, јылааштан,
Көө куйак тоның чеч.
Эки јардыгның ортозында
Туйгакла темдек салып,
Сени артыргыскан эдим.
Ол темдек сенде бар болзо,
Бүдерим, чын сен
Барал апшыйактың балазы болорың»—деп,
Кан-јеерен мал айтты.
Айарда Алтын-Бизе
Көө куйагын чечип,
Јылааштанып ийди.
Эки јардының ортозында
Туйгакла салган темдекти
Кан-јеерен мал көрди.
Лар эки таныштылар,
Эки колын энгзезине салып,
Эге кожо ыйлаштылар.
(Ол јети азулу јеерен айгыр
Ньан јыткан эми).
Айарда јеерен айгыр
Сурап, јайнап јыт:
«Јети Күндүк каан
Кор(к)ушту кара-боро сагышту,
Лар сени өлтөрөр.
Өлбөөң бойың өлөтөн јызың,
«Барбаан бойың баратан јызың».—
Ат өлбөскө алтын ма?—дийт—
Эр өлбөскө мөнкү бе?—дийт.—
Јети Күндүк кааңга јетпегенче
Калбазым! — дийт. —
Ол таңмаларды једип көрбөөнчө,
Токтобозым!»—дийт Алтын-Бизе.
«Јердиң сырты јетен каан,
Алтай сырты алтан каан—
Бала јок эвес—дийт
Јети азулу јеерен айгыр—
Бала табылар, ана барба!»
(Алтын-Бизе каат бедреп јөргөн деп,
Јеерен айгыр бодо(г)он туру).
«Јети Күндүк кааннын
Сыйнызы бар болтыр — дийт. —

Алты Сабар кудазы болтыр.
Алтын-Буудук күйөөзи,
Очы карындажы болтыр — дийт. —
Алты-јети јылга једе берген—
Кудалап турган улус болтыр,
Арагызыны ичип,
Ажын јев турган.
Јети Күндүк кааннын јерине
Јетен јыл мен јаттым,
Тыныны сезип болбодым.
Јетен јыл јадып, эми
Јаш балача бала эндетпийн,
Јаш кулунча кулун эндетпийн,
Көдрөзин өстүрип алып,
Јалы-куйругыма сырап алып,
Ньанып отурган эдим»—дийт.
«Је, ньан јыткан болзоң,
Сенин өскөн-өлгөнингди
Мен кайдан билей(и)н?
Мениң өлгөнимди дезе
Сен билбезиң»—деп,
Алтын-Бизе малга айтты,
Бир ок алып, аа берди.
«Мен өлөр болзом,
Бо мениң огым
Ол тужунда татый берер»—деди
Айарда јети азулу јеерен айгыр
Бир чарак кыл үс бер јит,
Алтын-Бизе(г)е берип, ай(т) јыт.
«Мен өлөр болзом,
Бо мениң кылым
Бош јыдый берер.
Анаң ла билерзиң»—дийт.
Эми эге эрвектежип алды.
Јети азулу јеерен айгыр
Эзеннежип-мендележип алала,
Јерин көстөп ньанып ийди,
Јолын алып, јүрүп ийди.
Алтын-Бизе бойы
Јети Күндүк кааннын јери йее
Анаң ары барып ийди.
Јери-јуртына јет келерде,
Ушпа коңгыр ат
Алын колын алынбады,
Кийин будын тартынбады,

Ньаңгыс јерде тура тўшти.
Айарда Алтын-Бизе
Коңгыр аттаң сурап јыт:
«Нени сестиң,
Нени билдиң?»—дийт.
Коңгыр ат аа айтты:
«Ашпа, мени уксаң,
Јети Кўндўк каанның айлына
Сен көндрө барба!—деди.—
Мен јөрўп, јуртыны
Јакшы ла шиңнеп көрөй(и)н.
А сен дезе лардың сыйнызының
Јуртыны таап алала,
Аа тушташ—дийт.—
Анаң биске, байла,
Бир арга чыгар болор.
Анаң башка керек уйан,
Јети Кўндўк каанның бойына
Эр јажына очорзоң,
Ол саа бир сөс айтпас» — дийт.
Онойдо јөптөжип алып,
Алтын-Бизе аттаң тўшти,
Ушпа коңырды божот ийди.
Бойы карлагач кебин кийди,
Көк булуттың кадына,
Ак булуттың сыртына
Чыга берди.
Јети Кўндўк каанның јерине
Једеле, бедрир болзо,
Кара тайганың алдында
Чойун кара өргөө тур јыт,
Айландра көдрө каруулду,
Эжигинде өңгўс айу јат јыт.
Јети Кўндўктиң сыйнызы
Чойун кара өргөө ичинде болтыр.
Өргөөни айландра учуп,
Кирер аргазы јок болды.
Чойун кара өргөөниң тўндўгине
Учуп көрөр болзо,
Эки боро мўркўт отур јыт.
Тўжер-кирер аргазы йок.
Анаң ол ларды
Кетеп-сакып тура берди.
Лар чоошлоп, уйтап ийди.
Айарда Алтын-Бизе

Кызыл јивек кебин кийеле,
Лардың ортозынаң келип түшти
Өргөөниң ичине түжеле,
Кызыл түлгү болуп кудулды.
Аа јылгап јөрди ол.
Айан-Ару бала түлгүни көрөлө:
«Сооды јок бойыма соот—деди,—
Ойыны јок бойыма ойын»—деди.
Јылгап турган түлгүни
Ол тударга турды.
Анаң-мынаң јапш(ы)ра базып тутса,
Аны тудуп болбос болды.
Айдып тудуп турарда,
Ол түлгү силгин ийерде,
Алтын-Бизе бол тур күйди,
Оң колынаң ала күйди.
Айан-Ару аа айтты:
«Кайттың—дийт—сен?
Сени караамнаң бери
Јети јыл өтти—дийт.—
Јети јылдаң өдө бердиң,
Эми мени кудалап јытлар.
Јети мениң акым
Сүреен кара-боро сагышту.
Эми сен бойың
Бийде ле бар кудалазаң,
Сен јеер кылчас эдип
Лар бирүзи де көрбөс»—дийт.
«Мының аргазын кай табатан?»—дежип,
Лар эми отурды.
Аш-курсак азып ийди,
Алама-чикпирди салып ийди.
Азыражып, куучыннажып,
Эге очоп јытлар.
«Је ашпа, аргазы бар.
Бир керекти саа берейин—дийт.-
Алтын-Буудукка көктөөн
Алтын камзал тон бар,
Кара кумдус бөрүк бар.
Кара тереденг көктөөн
Кара маак өдөк бар.
Мен аны саа
Ончозын кийдир берей(и)н.
Оң колына сугунатан
Алтын өгүвеч берей(и)н.

Аны улус ортодо
Очы ньеҥем таныза таныр.
Аны көктөөн очы ньеҥем
Сүреен кыракчы эди.
Ол тоннонг (у)лам
Сенде керек чыгар»—деди.
Айарда Алтын-Бизе
Меҥдеп јылааштан ийди.
Айан-Ару абакай бала берген
Алтын камзал тонын кийип ийди,
Кара кумдус бөрүгин кийип ийди,
Кара маак өдөгини
Тееп кийип ийди,
Алтын өгүвеч колго сукты.
Анча-мынча куучыннаш очоп,
Алтын-Бизе Айан-Ару абакай балага:
«Је болор, барадым» — деди.
Оҥ колыны ала күйди,
Оҥ јаагыны окшоп ийди,
Сол колыны ала күйди,
Сол јаагыны окшоп ийди.
«Је, кайдар,
Өлбөзөс—тушташкайыс,
Өлзөс—јада калгай»—дежип,
Алтын-Бизе ол ок
Кызыл јивек кебин кийди,
Түн(д)үкче чыгып өдүп,
Чойун өргөөдөҥ јүре берди.
Анча-мынча бар јытса,
Ушпа коҥыр ат удра келди,
Алтын-Бизе(г)е јууктап, айтты:
«Је, јуртын шиҥнеп көрдим,
Бир де неме билбедим»—деди.
(Тынын бедреген јү).
Эге эми јүрүп ийдилер.
Көндрө лө барып,
Јети Күндүк кааннынг
Јетен јети булуҥду,
Алтан сегис талалу
Алтын өргөөзини көстөп келдилер.
Ат чакаа јууктап келерде,
Мөҥүн тонду мөкөлөри,
Алтын тонду алыптары:
«Солун-башка кижи кел јит»—дежип,
Ат алар(г)а кел јытлар.

Алтын-Бизе адын алдырбады.
«Бойым да бу(у)лап кўйгейим—деди.—
Ат алдырарга jöргем йок.
Тостыҥ болзо кыбындый,
Торгонынҥ болзо jигиндий,
Төрөөн болор(г)о jöргөн эдим,
Кижее адымды бу(у)латпазым».
Адын бу(у)ла(п) ийди,
Алтын тажуур арагызыны,
Мөҥүн тажуур арагызыны
Колго тудунып алды,
Алтын өргөөни көстөп барды,
Алтын өргөөни ач кирди.
Ачып кир келзе,
Jети Кўндўк кааннынҥ эмеендери
Эпши ньанында,
Ширдектиҥ сыртында
Торго-маҥдык көктөп отурлар.
Jети Кўндўк каан,
Алты Сабар, Алтын-Буудук
Столдо алама-чикпирди чоккон,
Алтын тажуур, мөҥүн тажуур арагыны
Куҥарлажып, ичип jитлер.
«Эзен!» — ди(и)рде,
Кыҥыс эдип унчукпадылар,
Кылас эдип көрбөдилер.
Айарда эмеендер je(е) ле болды эми.
Jети ўйелў коло каҥзазын
Кончынаҥ суура сокты,
Таҥкуны азып ийди,
Ньаан каатка туда берди.
Таҥкулажып, эрвектежип
Куучыннаш jыт.
«Көксиҥ ойлу, кєзиҥ чокту,
Кайдаҥ келген бала эдиҥ?»—дештилер.
Айарда Алтын-Бизе ай(т)jыт:
«Jўс айлыктыҥ тўбинде,
Агын-төгўн тўрўлген
Ак талай сугатту,
Кўн чыгыды ньанда
Алтын тайга шибеелў,
Кўн ажыды ньанда
Кара тайга шибеелў,
Бар-чоокур атка минген
Барал апшыйактыҥ уулы болорым»—дийт.

Эм кааттарга ла куучыннап јыт.
Јети Күндүк кааннын алдына
Барып, чөгөдөктөп,
Эрвектенер болзо,
Лар срай укпас,
Көр дө салбийт.
Айарда бала кудалап
Бийе эмеендер йаа кел јит.
Очы Күндүктиң каты
Аны көр турар болзо,
Көктөөн алтын камзал тонын
Кийип алтыр ол,
Кара кумдус бөрүгин
Кийип алтыр ол,
Кара маак өдөгин
Кийип алган эмтир.
Алтын өгүвечини дезе
Колына сугуп алтыр.
(Эм Алтын-Буудукка,
Бала чаарза, кийдирер(г)е
Јазаан кеп болтыр ол).
Айарда ол аны
Кыракылап көрүп алала,
Бойыныҥ апшыйагыны —
Очы Күндүк кааңды —
Ча(г)ары чаарып, а(г)а айтты:
«А балаларыҥ
Јөпти бер салтыр — дийт. —
Алтын-Буудукка көктөөн
Алтын камзал тоныны,
Кара кумдус бөрүкти
Кийип алтыр ол.
Көдрө алып алтыр — дийт, —
Арагызыны ичтер — дийт, —
Анаҥ арызын бойлорыҥ биллер».
Айарда очы Күндүк каан
Чаартынаҥ кир келеле,
Алты кар(ы)ндажына ай(т) јыт:
«Айан-Ару абакай бала
Сөзин бер салтыр.
Мыныҥ аргазын кай табар?»—дийт.
(Барал апшыйактыҥ балазы деп
Лар билбей турган беди?!)
Айарда база катап
Лардыҥ алдына барып,

Чөгөдөктий берерде,
Тажуурды ала күйдилер,
Столго кожо очот ийдилер.
«Је, баланы Алтын-Бизее берер,
Ньанытты төлиир» — деп айдып,
Арагызыны ичип бердилер.
Чатра, көзөрди салып,
Кожо ойной бердилер.
Арагызыны иче, иче келерде,
Аайак эзирди (Алтын-Бизе).
Аайак эзир келерде,
Бойлорына тегин арагы салып,
Алтын-Бизее дезе
Јетен јыл ачыткан коронды
Чара айакка толо уруп,
Экел колына бердилер.
Колго туткан ла йерде
Иче салып ийди.
(Ачпак ак болтырзын!).
Иче ле салган йерде
Ал сагыжы чыга берди.
Куйуткак кирелӱ болуп
Тышкары ла мендеп чыкты.
(Сагыжы чыга бербийин база,
Ачу корон ичип ийгенде!).
Коҥыр атка келген ле јерде
Аа артылып йиди.
Мӱнеле, адын божотты.
Ушпа коҥыр ат
Алтын-Бизени артынып алала,
Ол ок салып ла берди.
Јети Кӱндӱк каан
Јети борозын мӱнди,
Алты Сабар, Алтын-Буудук
Јети јеерен адын мӱндилер,
Кийиннең ары сыбырдылар.
Алтай сыртын айландылар,
Јердиҥ сыртын эвирдилер.
Кийни йее јыгылар(г)а керек—
Куйругыла чырбап јыт.
Алды йаа јыгылар(г)а керек.—
Одус тогус шаҥазыла
Коҥыр ады чырбап јыт.
Болуп ла јада кӱйеле,
Кара тайганыҥ кырына чыкты,

Кара корумды эже тебеле,
Алтын-Бизени аа аңтарды.
Аңтарала, салган јерди
Кара корумла көөп күйди.
Анаң ары коңыр ат
Кара ньаңыскан јүрүп берди.
Анда да божотпос!
«Алтын-Бизениң адын да
Тудуп алза — керек»—дештилер.
Аайак сыбырыштылар.
Срай арга-бекезин таппий калала,
Јети агысту јер тамына
Коңыр ат једип келди,
Ол төвөн калый барды.
Ол төвөн калый барарда,
Јердиң кадына түжүп,
Тогус чулмусека туттурды!
«Күндү јерде јүрген
Маатыр кижиниң ады
Кор(к)ушту мөкө ат болор.
Аны тудуп алганыста,
Салда тарттырар,
Кыра сүрер»—дештилер.
Кыра сүрүп бердилер.
Аайак кыра сүрерде,
Төвөчөк бажында эт йок болуп,
Ат төрт сөөк калды.
Анаң ары эми
Тогус чулмустың колынаң айрылып,
Јети агысту јер тамыдаң
Коңыр ат чыга конды.
Тавырактаң суу ичип,
Татулап өлөң јев,
База эвеш тойунып алды.
Кара тайганы көстөп,
Ары ла меңдеп јүрүп ийди.
Кара тайга кырына чыкты.
Чык көрөр болзо,
Алтын-Бизе ньаңы ла оңнонып,
Тур јыткан болтыр.
Ол јерге кускаңы —
Кара тайганың корум тажы,
Јеезези, агажы — ончозы
Јалып күйүп јыт.
Коңыр ат келген ле бойынча

Алтын-Бизени јиткеден ле капты,
Кара талайга таштады.
Кара талайга кел кузарда,
Кара талай срай быркылдап,
Отто казандый, кайнап чыкты.
Анаң сөөгрөдип чаарып алала,
Ак талайга кел таштады.
Аа аңданып,
Ол сууды ичип,
Алтын-Бизе оңнонды.
Ушпа коңыр атка мүнди,
Кыйа-тейе барбады,
Јети Күндүк кааннын
Јурты йаа ла ба(р)ды.
(Өчөшкөнин анын көрзөң!
Барбай, качар керек болгон,
Ол өчөжип бар јыткан!)
Ол ло маңла јеткен.
Јети Күндүк каан,
Алты Сабар кудазы,
Алтын-Буудук күйөөзи чыгып,
Он төрт кижи ньаңыс кижее
Ынгай калыган.
Он төрт ат дезе
Ньаңыс атка калыган.
Тудунарга берген йок,
Кабынарга берген йок,
Алтын-Бизени өлтөргөндөр.
(Ньаңыс кижи он төрт маатырга
Кайт чыдашсын?)
Алтын-Бизени јыдала сайза—
Јыда тыгынбай, сынат.
Былтыкла атса—
Огы тыгынбас,
Колыны чөйзө—
Колы үзүлбес,
Будуны чөйзө—
Буды үзүлбес.
«Јок, мыны өлтөрип,
Тынына јет болбос.
Өртир мыны»—дештилер.
Јетен јети узыны јууп,
Тайганың кургак одынын
Кабырып экелип, чоголо,
Алтын-Бизени, ушпа коңырды салала,

Јетен јети ус
Көрүкле базып өртөдилер.
Алтын-Бизе алтын таш болуп јадып ийт,
Ушпа коңыр ат
Мөңүн таш болуп јадып күйт.
«Ньаманның өлүми де ньаман.
Түби йок кара талайга
Апар ларды таштыр»—дештилер.
Тооглодып, апарып,
Түби йок кара талайга аңтардылар.
«Эми өлди»—дежип,
Јыргап ак јытлар лар...
Аның јери-јуртында
Јети азулу јеерен айгыр
Алтын-Бизениң огыны көрзө,
Карара татый берген.
«Алтын-Бизе өлгөн јит—деди.—
Бар-чоокур атту Барал апшыйакка
Эр ньаңгыс эр јайырда,
Јети Күндүк каанның колынаң
Өлзин деп јайаан ба, Үч-Курбустан?
Нерек јайаан—барып угадым»—деп,
Јети азулу јеерен айгыр
Теңгери йее чыгып ийди.
Үч-Курбустан јайачыга келип,
Сурап укты.
«Өлбөс эдип јайааныс йок по—
Ол кайдып өлгөн?» — деп,
Үч-Курбустан айгырга айтты.
«Айарда оның тыны кайда?»—деп,
Јеерен айгыр сурады.
Үч-Курбустан ай(т) јыт а(г)а:
«Тескери аккан,
Агын-төгүн түрүлген
Ак талайдың јагазында
Јетен айры тевир терек бар.
Ол тевир теректиң өзөгинде
Эки кумдустың балазы бар.
Ушпа коңырдың тыны,
Алтын-Бизеңиң тыны ол».
Јети азулу јеерен айгыр
Јери-јуртына келеле,
Каралдай-Мөкөзини,
Алтын-Эргек ньенизини айтты.
Кирее-балта алып,

Јетен айры тевир теректи
Ларла барып, төзинең кести.
Теректиң өзөгини јарып ийер болзо,
Эки кумдустың балазы чыкты.
Јети азулу јеерен айгыр
Эки кумдустың балазын бирдең
Эки танактың үйдине сугуп ийди,
Јети Күндүк каанның јери йее
Ларды јетирип јүрүп ийди.
Ол ло барган, ол ло барган,
Јети Күндүк каанның јерине јетти.
Түби йок кара талайга келеле,
Аны бактылап көр турды.
Анайып көр турза,
Лардың сөөги сүвөчин болуп
Сууда јарып јатты.
Арга-беке таппады,
Балта сабынча чараан кебин кийди.
Суу төвөн калып ийди.
Суу алгышчы јалчы
Ол балыкты көр ийди.
Бир көнөгин толо сусты,
Бир көнөгин орто сусты.
Тыныжы боогончо јүгүрүп келеле,
Јети Күндүк кааңга айтты:
«Түби йок кара талайда
Мынду ла башка балык көрдим!»—деди.
«Бу кандый балык болгон? —
Аны барып көрөр»—дештилер.
Јети түңгей Күндүк каан,
Алты Сабар кудазы,
Алтын-Буудук күйөөзи,
Тегин тоорортоң тойго келген
Бус каан ларла кожо барган.
Кара талайды көрөр деп,
Он беш кижи јарадына келген.
«Аа кандый башка балык кирген?» — дежип,
Келип көр јитлер.
Јети азулу јеерен айгыр
Арга-бекезин таппийн,
Јажыл көлөскөн кебин кийди.
Кавыштың ортозыла јылгап,
Келип, Бус кааннын будуның кадына кирди.
Лар срай судурлап,
Сууды шиңнеп көргүлеп јит.

Айарда ол Бус каан дезе
Көлөскөнди кавышла бектеп јит.
«Је, неме де јок болтыр ла мында.
Кижи көзине көрүнмес
Кандый балык болгон ол?»—деп,
Бус каан өскөлөрине ай(т) јыт.
(Јакшы сагышту кижи болды на база).
Бус кааннын сөзине кирдилер,
Лар ончозы ойто ло бурулып,
Оргөө барып, арагыларыны ичип,
Бийе чатра, көзөрини салып,
База ла ойный бердилер.
Јети азулу јеерен айгыр
Түби йок кара талайга кал(ып) ийди,
Алтын-Бизени алып чыкты.
Аныҥ кийинде түжеле,
Ушпа коҥырды ал чыкты,
Сайга салып күйди.
Эми мыны кай тиргизетен—
Бош ло ундуп салды!
Анаҥ танагы кычыт ийерде,
Јеерен айгыр бышкыр ийди.
Аныҥ эки танагынаҥ
Эки кумдустыҥ балазы чыкты.
Бир кумдустыҥ балазын алып,
Алтын-Бизенииҥ аксына салды.
Алтын-Бизе үч кыйгырып,
Алдындагы ол бойы өрө турды.
Бир кумдустыҥ балазын
Ушпа коҥырдыҥ аксына салды.
Ушпа коҥыр тирилип,
Үч киштеп, өрө турды.
«Өлүп те јаткан болзом,
Таҥма ийттердиҥ тыныны сес салдым.
Јети азулу јеерен айгырга мүн,
Бойлорыҥ бүлдер,
Мен браадым!»—деп ларга айдала,
Ушпа коҥыр ат јүре берди.
Турган јери бар болды,
Барган јери йок болды.
Јети Күндүк кааннын тыныны бедреп,
Коҥыр ат эми барды.
Јети азулу јеерен айгырды
Алтын-Бизе минген ле бойынча
Кыйгы-кышкыла ла јет келди.

Јети түңгей Күндүк каан
Өргөөзинең чык ак конды.
Алты Сабар кудазы,
Алтын-Буудук күйөөзи—
Бастыра он төрт кижи—
Ньаңгыс кижее калыды.
Он төрт ат ончозы
Јети азулу јеерен айгырга
Маңгла барып чурадылар.
Аштаң да аштаан,
Отко до күйген Алтын-Бизенинг
Колы-будын чөйүп, айдып ла турала,
Јети түңгей Күндүк кааннынг
Колы-буды божоды,
Алып тудары астады,
Јер тайанары көптөди.
(Ушпа коңгыр ат
Лардынг тындарын таап алала,
Тапкан јеринде ле
Эвеш быјырада тайнаан ушкуш).
Алтын-Бизени салый калдылар.
Алтын-Бизени салала,
Ол ок кайра-кайра ажа бердилер.
Алты Сабарды адам этсин бе!
Алты Сабарды, Алтын-Буудукты
Алтын-Бизе кечегезинең кабра ла тутты,
Аа ла токпоктоп өлтөрди.
Ушпа коңгыр ат јеткен,
Күреже-тудужа ла бердилер.
Јети Күндүк кааннынг тынын,
Јеткен ле бойынча аа үсти,
Ларды кыр салды.
Эм Айан-Ару абакайды
Бар чаарып алар(г)а керек.
Ушпа коңгыр атка мүңүп,
Кара тайга алдында турган
Чойун кара өргөөни көстөп,
Алтын-Бизе јүрүп ийди.
Барып,Айан-Аруны чаарып алды,
Салгын јетпес сары-бороны
Алтын-Бизе ээртеп ийди.
Айан-Аруны аа мүндирди.
Јеезелү јуртын јевирип јит,
Јериндеги малын айдап јыт.
Коозолу јуртын кодор јыт,

Колындагы малын айдап јыт.
Ар јөөжөзин коштоп алып,
Атанып јўрўп ийдилер.
Ал тайганы ажып јытлар,
Агар сууды кечип јитлер,
Јери-јуртына јетирди.
Јетир келеле, јакыды:
«Одорлуга малды салдар,
Одындуга ньонды салдар.
Тайгаа теҥнеп эт тууралар,
Талайга теҥнеп арагыны астар.
Эки каатҥыҥ тойы болтон!» — деди.
Ол экелген ньонды башкар јытлар,
Ол келген малды башкар јытлар.
Тайгаа теҥнеп эт туурап јытлар,
Талайга теҥнеп арагы ас јытлар.
Солоҥгы каанныҥ балазыныҥ,
Јети Кўндўк каанныҥ сыйнызыныҥ
Белиндеги курын чечип јитлер,
Беш шаҥазын јазып јитлер
Эки тулуҥ эдип ӧрўп јитлер.
Тогузон кўнге той болды,
Алтан кўнге јыргал болды.
Јыргап-тойлоп алала,
Авыр-энчўҥ јуртай берди.

61 коп.